

**Л. Власова
А. Кухта**

РОЖДЁННЫЕ В АСИНЛАГЕ

АСИНО 2019

«Сталинские репрессии были страшны не только тем, что физически уничтожали цвет народа, но и тем, что оставшихся в живых держали в состоянии страха и взаимной подозрительности, убивали душу, совесть, честь, разрушали духовные связи даже между близкими людьми». (Людмила Власова. Дневниковая запись).

«И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь этот народ - необыкновенный был народ. Ведь это может быть и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно».

(Фёдор Достоевский. «Записки из Мёртвого дома»).

«В нашей русской жизни слишком много страха, маленького, серого страха. Мы боимся громко заговорить. Боимся выказать радость. Боимся переставить вещи. Боимся подумать ясно и бесповоротно. Боимся заглянуть вперёд. Но от страха, наконец, нужно лечиться. Пора перестать бояться темноты и призраков, в ней живущих! Всё-таки я верю, что Россия, неожиданная, незнаемая Россия, готова для бодрой культурной работы».

(Николай Рерих).

Детский сон или явь –
Я понять не могу:
Подзаборная грязь
В этом странном бору.
Каждый день, как во тьме
Эти люди идут...
И всё кажется мне,
Что они все умрут.
Я по-детски смотрел
На их лица в пыли.
Постоянно робел
От их взглядов вдали.
Слышал стон, может плач,
И печаль в их глазах.
Словно страшный палач
Наводил на них страх.
Жалко было мне их,
Кем же были они?
Я хотел всё узнать,
Но не мог подойти...
И уже в шестьдесят
Вспоминаю те дни,
Тех людей, что глядят
На меня издали.
А ведь в детстве не мог
Всё понять я никак,
Что за страшной колючкой -
Это был Асинлаг...
(Олег Зезюля «Детский сон»)

РОЖДЁННЫЕ В АСИНЛАГЕ

Место рождения : посёлок БАТУРИНО, Асиновский район Томская область.

Карева Александра Моисеевна: 15 мая 1936г. – 4 ноября 1936г. (малярия).

Карева Нина Моисеевна: 7 августа 1937 год – 6 сентября 2016 г. (инсульт).

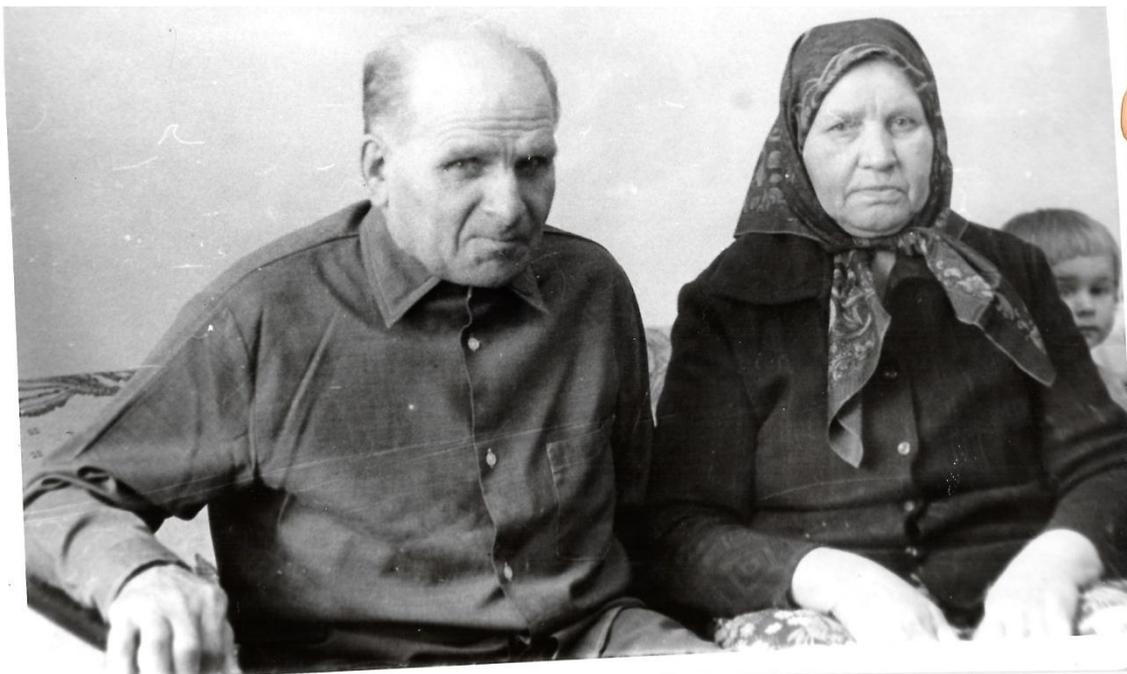
Карева Валентина Моисеевна: 2 марта 1939 г. – 12 июня 2016 г. (инсульт).

Карев Михаил Моисеевич: 22 февраля 1941 г. - (умер до 1 года).

Карева Людмила Моисеевна: 28 марта 1944 г.

Карева Антонина Моисеевна: 22 декабря 1946 г.

Карев Дмитрий Моисеевич: 25 сентября 1949 г – 8 июля 1989 г. (убит).
Карева Ольга Моисеевна: 9 июня 1952 г. – 1 октября 1952г. (коклюш).

Карев Моисей Григорьевич (20.09.1910 – 13.03.1979) и Карева Мария Семёновна (13.03.1914-

СОДЕРЖАНИЕ

Батуринский семейный календарь (1928 – 1972 гг.).

- *«Этапы большого пути» - Карева Моисея Григорьевича.
 - *«Побег в неизвестность» - Рудневой Марии (Софьи) Семёновны.
 - *«Создание семьи»: рождение и смерть младенцев, смерть дедушки и бабушки.
 - *«Воспитание детей»: детство–юность – взросление.
 - *«Переселение родителей в город Асино».
 - *Встречи с родными.
 - *Генетика Рода Каревых.
 - *История Древа Рода.
 - *Приложение: Дело № Р-27871.
 - *Семейный альбом.
 - *Афонские реликвии.
- Библиография.
-

Батурино!

На карте Томской области маленькая точка. На карте России нет даже точки. Центральный посёлок АСИНЛАГА. Для многих тысяч людей разных национальностей – место ссылки и конец земного пути. Для многих ссыльных место жительства. Для детей семьи КАРЕВЫХ - «МАЛАЯ РОДИНА!»

Самое главное в жизни человека – от кого родился и где родился. Только РОДИНУ и РОДИТЕЛЕЙ не выбирают, а вот защищать и любить обязаны.

Благодаря родителям удалось в условиях изоляции сохранить родственные связи. Понять и ощутить себя быть причастными к «РОДУ КАРЕВЫХ» решили осуществить дочери Карева Моисея Григорьевича и Каревой (Рудневой) Марии (Софьи) Семёновны – Людмила, Антонина, **Нина**, **Валентина**.

Слева-направо: Молчанова Нина, Власова Людмила, Кухта Антонина;
Боякова Валентина

Взрослые дети покинули свою малую родину, чтобы никогда не вернуться назад. Наши родители, последние из семьи, покинули это место, которое не стало родным для детей и внуков, где разорён наш дом, где зарос крапивой огород на

чужой земле. Только сохраняется память об искалеченных судьбах семьи и наших многочисленных родных, проживающих и поныне во многих городах большой страны и за её пределами. Наша «РОДОСЛОВНАЯ» живёт с нами только как «легенда памяти». Основной текст был готов к изданию 17 июня 2015. Такая дата стоит в конце компьютерного набора. Но нужны были уточнения, изменения, дополнения. Состоялось обсуждение текста с родными в Томске, Северске, Новосибирске. Они передали сохранившиеся фотографии и семейные документы. Валентина не могла нам помогать по состоянию здоровья. 2016 год для всей семьи был самым печальным. Валентина, а следом Нина, покинули этот мир с надеждой на завершение книги. Но не было душевных сил, нужно было приспособливаться к новым жизненным обстоятельствам.

Данная книга начала «собираться» ещё в 60-е годы прошлого века из записей бесед с мамой, много вопросов осталось без ответа. При жизни папы конкретных бесед с ним о жизни не было. Только в 90-е годы появилась возможность подтвердить догадки документально. Направлялись запросы в ФСБ, МВД, архивы, краеведческие музеи Новосибирска и Томска, Алтайского края и Воронежской области. Благодаря встречам с земляками, их воспоминаниям удалось восстановить жизнь посёлка в наши школьные годы. Началось знакомство с публикациями бывших ссыльных по истории ТОМАСИНЛАГа, которые значительно дополнили и объяснили то, о чём, жалея нас, не говорили родители. Это было такое открытие правды жизни нашего посёлка, о которой дети, рождённые в этих условиях, не могли даже представить. В разговорах со своими сверстниками, нам приходилось искать объяснения в газетных публикациях и книгах, изданных в последние годы. Более 70 книг прочитано, проработано с анализом и со слезами. Многие тексты открывали действительную картину нашего детства. Началось понимание того, что пришлось переживать нашим родителям, будучи в постоянном страхе за детей и охраняя наши детские души: «Нам жилось хорошо»? Благодаря этому никто из детей в разговорах не проявлял злобы, ненависти, но остаётся непонимание судьбы всей страны и трагедия нашего посёлка... Но такую малую Родину и таких замечательных Родителей благословила нам Судьба.

После установления советской власти в Сибири, началось массовое раскулачивание и ссылка трудоспособного населения. Новые посёлки необходимо было размещать вдали от городов, крупных селений, железных дорог на 100 км, от любого поселения на 10 км.

В связи с организацией раскрестьянивания на Алтае и в других хлебоборбных районах Западной Сибири, весной 1928 года на берегу Чулыма в северной таёжной части Ново-Кусковского района было создано поселение для ссыльных репрессированных (раскулаченных) крестьян. Оно находилось в ведении Чулымской спецкомендатуры СибУЛОН (Сибирское управление лагерями особого назначения, позже Сиблаг ГУЛАГа). Спецпоселенцы работали на лесоповале, для чего был организован лесопункт Улююльского леспромхоза. Был создан ТомАсинлаг, позже самостоятельный АСИНЛАГ с комендатурой и закрытым лагерем в Асино.

Количество ссыльных увеличивалось за счёт людей из мест, присоединившихся к РСФСР. Часть ссыльных перевели в другие лагеря, а на месте организовали «пункты». История Батурино начинается от создания «ЛАГЕРЯ» до образования его «ПУНКТОВ» – Тунгусский бор, Анга, Ноль-Пикет, Усть - Лай, Тузейга и другие, как свидетельство полного периода репрессий. Многие «ПУНКТЫ» уже не существуют.

Массовое заселение началось после решения в феврале 1930 года ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК в приказе ОГПУ №44/21 «О ликвидации кулачества как класса». В нём записано «...в районах сплошной коллективизации, - в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, - должен быть нанесён сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено» (В.Н. Уйманов. «Репрессии. Как это было... Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50 годов». Томск, 1995 г. Стр. 29).

Весь документ даёт полное представление о категориях раскулаченных хозяйств и высылке их в определённые места. «Массовое выселение...наиболее богатых кулаков и их семейств в отдалённые северные районы СССР и конфискации их имущества» (стр.30). Были определены категории кулаков и подкулачников:

1 категория - высылка за пределы своего края (Соловки, Колыма, Магадан),
 2 категория – высылка в пределах данного края в отдалённый район. Семья родителей и старших детей, живущих уже отдельно, из рода Каревых определялись первой и второй категориями. По первой категории был судим и выслан Карев Дмитрий Григорьевич в Магадан. Остальные раскулачены, и высланы сначала в Пихтовку Новосибирской области в распределительный лагерь. Жили в землянках вместе с детьми. Благодаря помощи родных некоторым

семьям удалось вернуться назад, но жилья уже не было. Кто-то остался жить в Пихтовке, и теперь потомки живут там, не зная историю своего РОДА.

Многие годы и мы почти ничего не знали о своих родителях, наших родных, их судьбе. Родители и наша бабушка старались оберегать наше сознание от действительности и, как могли в тех условиях, воспитывали нас.

①

Родословная рода Каревых.

составлена: 1994
 Начата: 23.11.94г.
 окончена:

Карев Григорий Павлович Владим

1 1

2 3 4 5 6 7 8 9

П О Ал В. Н. М. П.к. Мад.

Петр Ольга Александровна Анна Ивановна Иван Павлович

1. Карев Григорий Павлович (мой дед)
 Прибыл в Бугры из Крымской губернии, Стержитамакского уезда, дер. Слатёрб Волжск. Ала.
 родился 1876 г. ум. 1936 г. Владислав Карев, младший сын дед. Дмитрия Карева, сына Карева Ивана Степановича.
 Женат на ... Сидорки (бабушка).
 ? род. 1898? ? умерла 1930г. от инсульта.

2. Карев Петр Григорьевич, сын деду, (1898г.-?)
 умер в возрасте 22-23 лет? от тифа в 1919-20г.? Женат был на Марии, в 1932г. завябливовала, живет в г. Томске. Бабтчет-проповедник. Умерла 1994г.

3. Ольга, дочь, род. 1900 - 1986г. Жила в г. Новосибирске. ~~два~~ две дочери: Авдута и Салма. в девичестве Крашенинниковы. Живут в г. Новосибирске.

Карев

Владимир Александрович.

Первый лист его рукописи.

Практической помощью и примером оказалась копия рукописной книги нашего двоюродного брата Карева Владимира Александровича из города Новосибирска. В своей «РОДОСЛОВНОЙ РОДА КАРЕВЫХ», он записал всё, что знал и помнил о своей семье. На первой странице написано «Составлена: 1994. Начата: 23.11.94г. окончена:--- ». Начинается рукопись просьбой: «Господи благослови! И помоги мне, рабу твоему, истинно и правдиво осветить род мой более для потомков, чем для сегодняшнего дня, чтобы и они продолжали начатое мной, с Божьей помощью, благое дело. С уверенностью могу сказать, что я – первый летописец, дай Бог, чтобы не был последним».

О нашем отце, Кареве Моисее Григорьевиче, в книге Владимира Александровича есть только такая запись: **«Моисей, сын Григория, род. 1910г, умер 1980г. Женат на Софье (Марии в быту). После «раскулачивания» отца, Моисей как-то попал в Томскую обл. До 1970г. жил в пос. Батурино на р. Чулым (Асиновский р. Томская обл.)».**

Эти строчки я прочитала с большим волнением и пониманием своего долга рассказать о папе и маме родным – детям, внукам, племянникам, дядям, тётям и всем, кто будет включен в «Родословную рода Каревых».

Книга на 25 листах рукописного текста проделала путь из Новосибирска в город Асино Томской области. Много родных держали в руках это уникальное творение - читали, переживали, вспоминали со слезами на глазах и понимали, что в судьбе нашей семьи отразилась малая частичка истории нашей страны. Надеемся, что и мы не будем последними биографами «РОДОСЛОВНОЙ РОДА КАРЕВЫХ».

К сожалению, в феврале 2019 году закончил земной путь Карев Владимир Александрович рукопись которого «РОДОСЛОВНАЯ РОДА КАРЕВЫХ» продолжается нашей книгой.

Дневниковые записи разговоров с мамой были неоднократно в разные годы. Перечитывая теперь эти строки, я нахожу в них много безответных вопросов. Почему не спросила, почему не всё записала, но тогда я не думала о книге. Помогли восстановить нить событий документы, которые получала на свои запросы из ФСБ, МВД, ЗАГСов, архивов, музеев, все ответы приходили своевременно. Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» был принят 18 октября 1991 года. Я сделала запрос о судьбе папы только в 1995 году в МВД Томской области. В январе 1996 года получила «Справку о реабилитации» папы и, к большому удивлению «Справку о реабилитации» на имя Каревой Людмилы. Мы не знали и не предполагали, что дети состояли на учёте в комендатуре. Позже получили такие справки Нина и Валя. Тоня на учёте уже не состояла по году рождения – 1946 год. В ответе сообщалось, что «Сведениями об имуществе, изъятом при выселении, не располагаем». В 1999 году сделала запросы в архив и УВД города Новосибирска о судьбе Карева Григория Павловича. Из архива сообщили: **«На основании заявления Карева Григория Павловича в Новосибирский райсовет 14 июля 1934 года, сведения, что в его хозяйстве было: мельница, надворные постройки, изба пятистенная, амбар, баня, пригон, 2 коня, 2 коровы, 6 овец, 2 упряжи, борона, плуг, веялка. Опись имущества и акт об изъятии отсутствуют».** Какое было заявление и о чем, точно не знаем, но предполагаем, что о восстановлении в избирательных правах. Именно об этом просил Григорий Павлович годом раньше. Этот документ получен только в 2014 году в «Личном деле» папы. **«Выписка из протокола от 16 февраля 1933 года заседания Новосибирской окружной комиссии по рассмотрению жалоб на неправильное лишение избирательных прав от 10 февраля 1930 года. Слушали о ходатайстве Карева Григория Павловича, 65 лет о восстановлении его в избирательных правах. Отклонили, как кулака, высланного вместе с членами семьи Карева Дмитрия Григорьевича за содержание мельницы с нефтяным двигателем».**

Первые документы поставили много вопросов, на которые можно было искать ответы. Мы знали о папе, что он из семьи кулака, но в Батурино сослан один. **От него знали, что ни о чём, никогда, никого не надо спрашивать, а лучше больше молчать.** Но со временем всё чаще появлялось желание – знать. Долгие годы о жизни родителей, их родных нам не было известно, как не знали родные про нашу жизнь. А семья Каревых была многодетная, дружная, трудолюбивая, религиозная. Все дети в семье получали имена согласно своего дня рождения и библейских Святых. Мужские имена: Пётр, Александр, Дмитрий, Моисей, Николай и Павел, женские: Ольга и Нина. (В Батурино папу звали Максим, маму – Софья. Вот так и жили наши родители с чужими именами. Своим детям давали имена родных, судьбу которых не знали. Имя папы часто определяли как еврейское, помогало или вредило это папе, разговоров об этом не было. Но в нашей жизни такое отчество иногда помогало).

После получения первого ответа о реабилитации папы, других вопросов я уже не задавала, и боялась ещё о чём-то спросить, даже узнать. Получив рукописный текст от Владимира Александровича и его обращение к родным, я поняла необходимость продолжения «РОДОСЛОВНОЙ РОДА КАРЕВЫХ», но не знала с чего начать поиск.

Случайная встреча с коллегой по работе в школе Эвелиной Павловной Рыбинской и знакомство с «Делом» её отца, которое она получила из ФСБ Томской области, убедили меня начать снова поиск истории папы. Она дала мне адрес, по которому делала запрос, за что я ей очень благодарна. Душевный разговор двух невинных жертв о своих родителях и о времени, укравшем наше «счастливое детство» нашёл своё продолжение. Написала в сентябре 2014 года в ФСБ Томской области просьбу о возможности знакомства с «Делом Карева Моисея Григорьевича». Вместе с запросом выслала заверенные нотариусом копии своего паспорта и документа о моём родстве папой. Вскоре получила ответ, что в ФСБ нет нужных мне сведений, а моё письмо отправлено для исполнения в УМВД Томской области.

26 сентября 2014 года из УМВД России Томской области получила копию: «Личное дело № Р – 27871 в отношении Карева Моисея Григорьевича, листы дела с 1 по 29. Приложение на 37 листах».

Это было ожидаемо и очень неожиданно. Я не могла поверить, что держу в руках документы тех далеких лет. Знали бы об этом родители! Каждая бумажка для меня была настоящим потрясением. Читать без слёз не могла, но и оторваться не могла. Окаменевшая, - дочитала до последней страницы. Наступила такая пустота, что всё ничего не значило по сравнению с этими документами. Эти бумажные копии – свидетельства тех дней помогли представить весь путь 20-летнего юноши, от порога отчего дома в 1930 году и до барака в посёлке Батурино ТОМАСИНЛАГА в 1932 году. А это только часть всего «Дела», но со всеми подробностями знакомиться на месте может и возможно, но у нас не хватит сил. Самым дорогим в «Деле» оказался 18 лист, написанный рукой папы 15 июля 1949 года. Это заявление с просьбой о снятии с учета комендатуры с подробным описанием своей семьи, раскулачивания и перемещений по лагерям для спецпереселенцев. Слова из текста привожу, как написано у папы. Сколько волнений и тревог было у него на душе при написании этой просьбы?

«Прошу разобрать моё заявление и снять меня и мою семью с учёта комендатуры к заявлению прилагаю копию удостоверение о получение награды медаль за доблосной труд. Справка о симейном положение от постсовета характеристика с места работы прошу не отказать моей прозбы Ксему (роспись)».

В «Протоколе допроса» от 18 октября 1931 года в 11 часов старший инспектор 28 отделения (место и фамилия неизвестны) пишет со слов папы: **«В 1928 году моего отца и меня Карева Моисея и моих братьев Дмитрия Григорьевича и Николая Григорьевича раскулачили как имевших крупное крестьянское хозяйство. В 1930 году я был мобилизован, как лишенец, на работу в Кузнецкстрой в коксовый цех. Проработав на заводе 11 месяцев после чего в 1931 году...меня перевели на ст. ЯЯ Томская ж/д Сиб. кр..комендатуры распред. лагеря. Проработав там на станции один месяц и в сентябре месяце с/г БЕЖАЛ в Новосибирск на родину. Так как моя вся семья была сослана я уехал в г. Казань к своей сестре Серебренниковой Нине Григорьевне которая проживала со своим мужем Серебренниковым Михаилом Семёновичем. Так как я их в Казани не нашёл я решил поехать обратно на работу на ст. ЯЯ. И**

когда я сошёл с вокзала Рязанской ж/д и хотел пересечь то у меня украли билет. И я направился в от

Где находятся мои родственники, отец и братья, я не знаю. Больше показать ничего не могу. Показания записанных слов правильно к чему и подписуюсь. Карев».

Папе удалось закончить четыре класса Бугринской школы в 1922 году. Все дети семьи Каревых учились в этой школе. Позже папа писал нам письма более грамотно с устойчивым почерком. Текст написан простой ручкой с пером, чернилами, все слова понятны. Из этого документа стали известны даты смерти его мамы Евдокии Васильевны – 19 декабря 1931 года и отца Григория Павловича – 1935 год. Всё, что написано в заявлении 1949 года, соответствует документам «Дела» с 1930 года. Папа не умел и не мог писать или даже говорить ложь. Все факты подтверждаются другими документами. Подпись рукою папы. К этому документу приложена квитанция о том, что «у арестованного в наличии – 6 рублей и 84 копейки».

Карев Моисей. 1929 год

Из Рязани папу отправили в Московскую Бутырскую тюрьму. Много читала об этой тюрьме, но никогда не думала, что к нашей семье она имеет отношение. **«Открытый лист № 3134 составлен в Московской Бутырской тюрьме ОГПУ 23 октября 1931 года» «бежавший. Сиблаг. №12176» и дата «5-11-31».**

В десяти пунктах этого «Листа» записаны все основные данные и приметы «21 год, рост средний, цвет волос русый». В заключение дежурный врач поставил свою подпись в графе «следовать по этапу может». Показания папы 1931 и 1949 годов совпадают полностью. Из этих документов можно понять, что одновременно с Григорием Павловичем забрали сыновей Дмитрия, Николая и Моисея в марте 1930 года. Обвинение одно – содержатели мельниц с нефтяным двигателем. Отца сразу отправили в тюрьму, а детей сослали в Александровку Пихтовского района. В июне к ним привезли отца. Где оставалась мать неизвестно, но папа указывает её в составе семьи в 1928 году при раскулачивании. По воспоминаниям родных её парализовало после ссылки всей семьи. Чужие люди скрывали почти два года Евдокию Васильевну. Кто, где и как жили с 1928 до марта 1930 года? По документам, в августе 1930 года, папа был мобилизован

на постройку сибкомбината в село Больше-Кривощекково. Группу ссыльных 20 декабря 1930 года посылают на работу в Кузнецк. 16 января 1931 года они прибыли на место и до 20 ноября 1931 папа числился в Кузнецке. Папа в Кузнецке получил травму головы. Он работал в шахте, оборвалась кабина-бадьа, остался жив. Подтверждением этому служили доказательства – угольки под кожей головы и чуть сдвинутые нос и челюсть. Работать в шахте он не мог, и его направили в августе в распределительный лагерь на станцию Яя Томской железной дороги. Через месяц он сбежал, но побег не удался. 18 октября заполнен «протокол допроса» без указания места. 5 ноября заполнен «открытый лист» в

московской Бутырской тюрьме об этапировании на место. 20 ноября 1931 года отца снова отправили на станцию Яя, а прибыл только 12 декабря 1931 года. **Здесь он встретил Новый 1932 год, здесь «завербовался»** (именно так пишет папа в документе!) на Батуриинскую судоверфь. Добровольно выбрал место в глухую тайгу? А кто его желание спрашивал? 10 января 1932 года он выбывает из распределительного лагеря, а в Батурино приезжает в феврале. Самые сильные сибирские морозы этап был в дороге.

Карев Моисей Григорьевич – первая фотография спецпереселенца при постановке на учёт комендатуры. Все вещи ему дали на этапе.

Папа прибыл в Батурино, со слов папы и мамы, в феврале 1932 года, теперь это подтвердилось документально. В трудовой книжке первая запись от 10 февраля 1932 года в должности чернорабочего. Четыре зимних месяца в дороге этапом – поездом в товарных вагонах, на открытых машинах, пешком, с ночевками на пересыльных пунктах, в холоде и голоде. Мои представления об этом только из книг. **Никогда папа не говорил нам об этом, а вопросов в семье не задавали.** У папы, конечно, не могло быть с собой теплых вещей, сбежал он в сентябре. Прибыл в Батурино в фуфайке и штанах очень старых, в заплатах; в подшитых валенках - один черный, другой серый; на голове «шапчонка». С кого снимали эти вещи и на папу надевали, кто знает. Таким запомнилась маме эта первая встреча.

Местные жители встречали каждый этап. Как в зимние месяцы добираться от Томска до далекого таежного пункта для ссыльных «Томлага»? Первые ссыльные могли добраться до посёлка только по тракту от Томска до Ксеньевки (так называлось Асино до 1937 года). Шли этапы пешком, следом ехали подводы с охраной и дальше через деревни вдоль реки Чулым. В деревнях были «постоялые дома», где могли переночевать и обогреться. Но это было зимой!? Железной дороги тогда ещё не было, её потом строили такие же ссыльные. В Асиновском краеведческом музее (филиал Томского областного краеведческого музея им.

М.Б. Шатилова) сохранились документы, подтверждающие путь ссыльных по этой дороге. Некоторые деревни сохранились до настоящего времени.

В 1953 году Нина с подругами Валей Федосеевой и Зоей Собакиной решили на зимних каникулах поехать домой. Прошло более полувека, а Нина помнила эту поездку в подробностях. Эти девочки после окончания 7 классов учились в медицинском училище г.Томска. Семьи были многодетные, но родители старались дать образование детям. У Нины были в посёлке сильные головные боли, непереносимость гнуса, а в городе было нормальное состояние. Да и наша семья не могла учить в старших классах двух детей – Нину и Валю, обучение было платное с заготовкой дров на каждого ученика.

До Асино студентки доехали поездом. Три дня шли пешком или их подвозили случайные возницы проезжавшие от деревни к деревне, ночевали на постоянных дворах. В руках несли котомочки с маленькими подарочками для младшеньких в семье. Руки онемели и опухли, ноги в валенках мёрзли, фуфайки плохо грели. Валя Федосеева от усталости и холода идти почти не могла, и девочкам пришлось её держать под руки. Посёлок был уже недалеко, светила яркая луна, а они шли, слыша невдалеке волчий вой. Вечером Нина постучала в калитку, залаяла собака. Мама доила корову. Какие мысли были в голове, но услышала крик Нины на собаку. Родители встретили, накормили, обогрели, спать уложили. Только пальцы ещё долго не могли согнуться, они были похожи « на вымя коровы». На следующий день попутная машина ехала в Асино с почтовым грузом, и родители отправили своих девочек снова в неизвестность. А им было всего 16 лет. Валя Федосеева потом закончила медицинский институт и работала врачом в Северске. С Ниной иногда встречались и вспоминали студенческие годы. А какие чувства были у матерей при таком расставании с дочками? Слёзы сдержать невозможно.

ЛЕЖНЁВКА -памятник первым батурицам.

О другом пути в те годы никто не вспоминал. А этот путь был через Тунгусский Бор. Все о нём знают, но кто его прорубал и когда? «Старая трасса», «зимник», «лежнёвка» - так называют её батурицы, начиналась сразу за посёлком. Где она проходила, долго никто ответить не мог. Предполагаю, что её прорубали в тайге первые ссыльные. Когда ещё не было даже строительства железной дороги от Томска до Асино, то этот путь был необходим в зимнее время, а летом была связь с областным центром ТОМЛАГА по реке Чулыму. Сколько людей остались навечно на всём пути этой «лежнёвки»? Теперь никто не даст ответа. Но возможно ещё где-то остаются имена самых первых под особым грифом «секретно». А мы, группа подростков, заходили по ней далеко в лес за черникой, брусникой и даже, редкой в этих местах, голубикой. Очень широкая просека в лесу, замощенная плотно стволами деревьев поперёк дороги. Идти по ней было очень неудобно, особенно с поклажей на обратном пути. Мама много раз говорила о том, что на этой трассе в сторожке жил в зимнее время её отец, наш дедушка, Руднев Семён Иванович. Эта работа стоила ему жизни, но об этом вспомним в истории семьи мамы. Случайный разговор в сентябре 2015 года с земляком Кафтоновым Дмитрием Александровичем помог восстановить и этот пробел в истории нашей семьи. В 60-е годы он работал в милиции и сопровождал подводу начальников по этой трассе. До Томска добирались за один день! На трассе действительно были сторожки, в них жили люди, которые давали возможность обогреться, пообедать и отдохнуть путникам и лошадям. Это были чиновники, военные начальники, обязательно на двух упряжках хороших лошадей. Одеты все были в тулупы, валенки, шапки-ушанки, на руках шерстяные рукавицы с «мохнашками» из собачьей кожи, обязательно теплое нижнее бельё и шерстяные свитера. Первые лошади прокладывали дорогу. Сопровождающие были с оружием. Такими воспоминаниями поделился Дмитрий Александрович, которые приоткрыли ещё одну страницу истории нашей семьи. Невозможно представить этапы этой дорогой в те времена, но могло быть. Не наш дед поил чаем своего будущего зятя, когда этап мог останавливаться на ночь. Мама с родителями приехала раньше, если она уже встречала этот этап. Про обморожения от папы разговоров не помню, а таких случаев было много, морозы достигали ниже 50 градусов.

Мы жили в том мире и при тех обстоятельствах, принимая действительность за настоящую жизнь. О нашем «счастлимом детстве» **надо обязательно писать тем, кто ещё помнит - для тех, кто живёт.**

Другой жизни мы не знали, а она была за пределами нашего поселка. Теперь я могу представить встречу наших родителей. Городской житель, не имеющий опыта самостоятельной жизни, не видевший настоящей тайги, попал в дремучий лес, где вековые сосны, ели и пихты, плотной стеной подходили к самому поселку. Колочей проволоки вокруг посёлка не было, но такая тайга и беспощадный Чулым были крепче всякой охраны. Об этом уже записаны воспоминания свидетелей (о книжных источниках в списке библиографии).

Невозможно представить молоденьких парней в этих условиях, в жутком одиночестве, не зная, где твои родные и что с ними. Для ссыльных были построены бараки, я их хорошо помню. Длинный коридор через весь барак, вход с улицы, с обеих сторон расположены комнаты с большими окнами. В этих бараках

я продавала молоко ссыльным в 50-е годы. Бараки не сохранились, даже нет фотографий, а память их хранит, я не была там с 1972 года. Где-то прочитала о размерах таких строений: длина 12 метров, ширина 7 метров, коридор и по обе стороны комнаты с двойными нарами. Сколько людей размещались на такой площади, как уживались... Папе повезло – он встретил на этапе порядочного человека – Балясова Василия Артемовича 1912 года рождения, с образованием. Вместе коротали тяжелые дни этапа, вместе работали на баржестрое, потом женились, вместе радовались рождением детей. Дети первых ссыльных вольнонаёмных потом роднились, создав свои семьи: Карева Антонина и Кухта Александр, Таскаева Татьяна и Балясов Вячеслав и другие. Теперь многие живут в Томске, «коротают дни» в совместных встречах и беседах о далеком детстве в глухом таежном поселке. Удивительная дружба у батуриных школьников – они считают себя родными: Каревы, Кухта, Балясовы, Таскаевы, Мартынюк, Рязанцевы, Власовы, Лаптевы, Колбины, Разгуляевы, Коноваловы, Шакаловы, Копытины, Шевчук, Лиходед и другие. Своих кровных родных мы просто не знали, а вот дружбу тех дней сохраняем до сих пор - любой может найти приют в семье земляков, где бы кто не жил. Если мама вспоминала о своих родных, то от папы этих речей в далеком детстве мы не помним, но нас это тогда не интересовало. У нас были свои детские проблемы. Гораздо позже мы стали понимать, что папа ссыльный, а мама, сбежавшая от раскулачивания и свободная, потому нужно молчать и никому ничего не говорить о своей семье.

ВСТРЕЧА РОДИТЕЛЕЙ

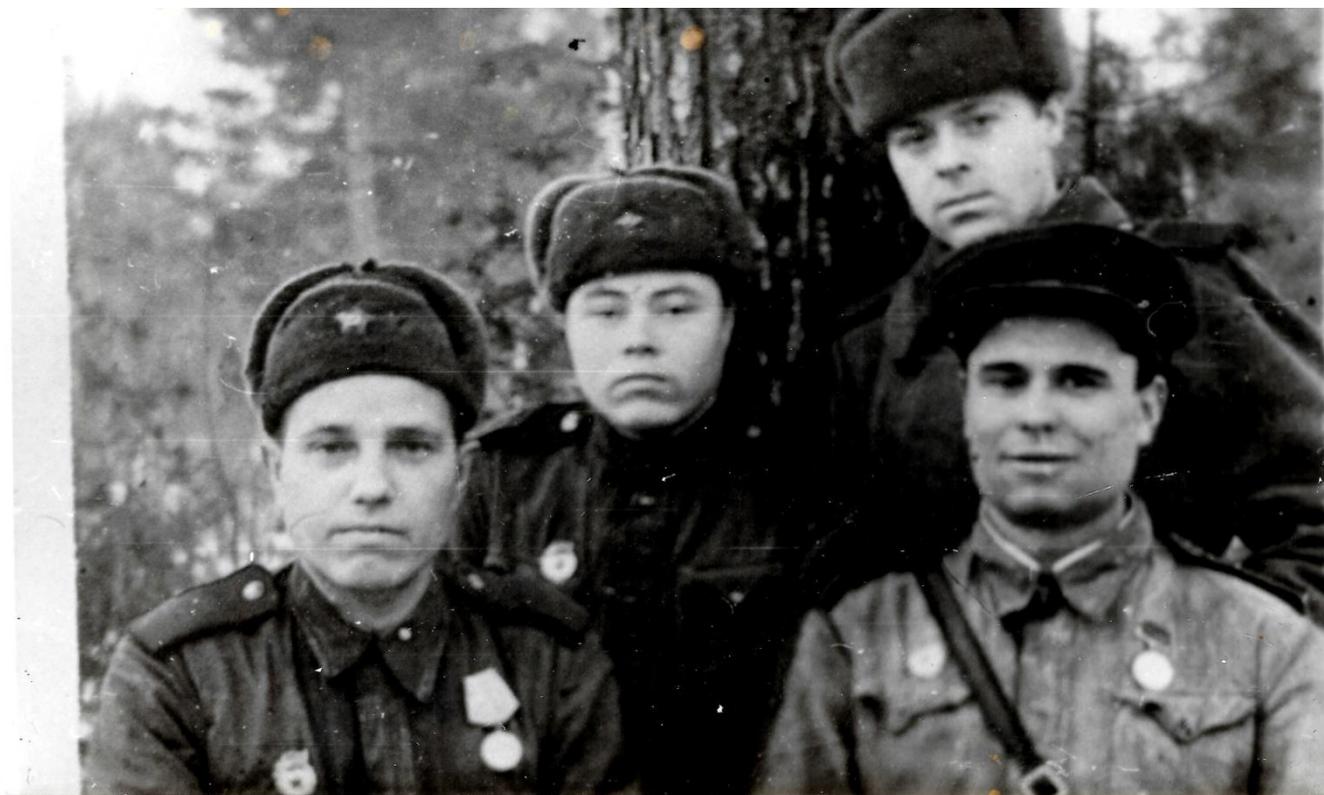

Первые дни совместной жизни

Папа «предстал» перед мамой на вечерках. Он всегда стоял у стенки, стеснялся своего вида, не танцевал, не пел, не ходил «в круг». Позже, я видела папу в танце и запомнила его движения. Не отрывая ног от пола, не делая резких движений руками, но как он «плыл» среди танцующих с красиво поднятой головой. Этот танец не соответствовал русской хореографии, скорее он напоминал танцы южных народов, когда мужчины и женщины именно «плывут» по земле. Папа был не очень высокого роста, немногословный. Он привлекал внимание своими манерами,

своим отношением к собеседнику, особенно к старшим, детям и женщинам. Ругаться, кричать, оскорблять, унижать, употреблять маты - он не мог, этого у него просто не было в характере. Очень редко пел, его голос только в одной песне помним. «Не хватило Коле керосина, он поехал в город по бензин...» - тут он умолкал, соображая, на чем работает трактор этого Коли и добавлял « нет, не керосин, а бензин», иногда доходило до «солярки». Но такое случалось только по большим праздникам, до дома он всегда шел самостоятельно, мог себя контролировать.

Долго «присматривались» наши родители друг к другу. Папа работал на судовой верфи и жил в комнате на 6 человек в одном из барачков. Мама с девочками работала на животноводческой ферме, ухаживала за молодыми телятами и поросятами. Ферма была далеко от поселка, и мама с другими женщинами жила там неделями, приезжая изредка домой. Эта работа давала ей возможность быть не голодной и даже помогать иногда родным – передать с возницей, тайно, немного картошки или кусочек масла для отца, матери и брата Михаила с женой Александрой. Возможно, ещё была причина для её отъезда на ферму – брат женился и привел жену в дом, родилась дочка Зинаида. Позже он уступил место нашим родителям, переехал с семьёй в районный центр Зырянку. Брат был свободен, и имел возможность менять место жительства. Но могла быть и другая причина: при побеге он сменил себе фамилию отца на девичью фамилию матери, изменив первую букву. Руднев Михаил Семёнович стал Фаустовым (Хаустов), с этой фамилией он погиб и занесён на стеле в селе Зырянское и в «Книгу Памяти». О нём и его семье вспомним в истории мамы.

Руднев Михаил Семёнович, он же Фаустов (Хаустов), фронтовое фото.

Оставаться вместе всем родным было опасно. Какими качествами нужно обладать человеку в этих нечеловеческих условиях? Какую работу души и духа надо совершать не ежедневно, а ежечасно и даже во сне? Забыть, кто ты был, чему тебя учили, кто твои родители. Их этому никто не учил, но был хороший учитель – страх за свою жизнь и родных, а это тоже передаётся по наследству, с кровью и молоком матери. Но, вопреки всему, сохранялась надежда, и люди тянулись друг к другу, помогая выживать и даже жить.

Папа скромный и стеснительный не мог решиться сказать о своих чувствах маме. В свой очередной приезд она пожаловалась, что не может ехать на ферму, очень далеко и одиноко, а начальник, приезжая с проверками, стал к ней приставать. Папа ей сразу предложил «Переходи ко мне жить!» - «Куда?» - «В барак, в общую комнату, с местом только на одной кровати». И она согласилась даже на такое предложение. Молодым отгородили уголок тканевой занавеской, и началась их семейная жизнь. Мама с юмором вспоминала начало совместной жизни «за занавеской». Пять жильцов комнаты понимали такое положение, приняли молодых, и даже всячески помогали. Жили дружно и эту дружбу сохраняли все годы. Но папа «встретился» маме ещё до этой встречи. В Алтайском крае, в родном селе, в крещенский вечерок организовали ворожбу с подружками. Вдруг в стакане с водой в обручальном кольце проявилось лицо. Запомнила «шапчонку» и жалкий вид. Увидев его, признала и вспомнила - лик в стакане! Бывает!

После отъезда брата, молодые перешли жить к родителям. Где родился первый ребенок, точно не знаю, но, кажется, уже в доме родителей. Папа с мамой стали жить с тещей и тестем. Папа был «под комендатурой» - сначала отмечался 2 раза в месяц, только через несколько лет отметка стала ежемесячной. И так до 1952 года – 20 лет в страхе за семью, за детей - а вдруг заберут, а вдруг куда сошлют? Все дети были приписаны к отцу с его фамилией и отчеством в графе анкеты «состоят на учёте спецпоселения». Мама тоже была записана на фамилию папы, Карева Софья Семёновна, но с другой записью: «не состоит на учёте спецпоселения». Брак не был зарегистрирован. Позволительно ли это было спецпоселенцу? У мамы была только справка, а не свидетельство о рождении. Этот документ, церковная запись при крещении, был выслан по запросу мамы с датой выдачи 2 октября 1952 года на имя – Руднева Мария Семеновна, а 6 октября 1952 года брак родителей был зарегистрирован. Для батурицев она осталась тетей Соней на всю жизнь. Знал ли папа до регистрации эту тайну? Мама и бабушка жили с чужими именами по поддельным справкам. Рудова Софья Семёновна совершила благородный, и очень опасный для того времени, поступок. Она отдала свою справку, изменив буквы в фамилии на Рудневу, но сохранив своё имя. В документах детей наша мать записана с именем Софья, позже пришлось доказывать, что это одно лицо. От кого досталось имя - Елизавета Григорьевна - нашей бабушке Марии Константиновне, точно не знаем, но фамилия сохранилась Руднева. Может Соня Рудова отдала справку своей мамы? Именно Софья предупредила наших родных о предстоящей ссылке на следующий день, она работала секретарём в новой администрации. Может и Михаилу сделала она новый документ, и он сбежал раньше? Вся семья выехала ночью в неизвестность. За проезд они отдали последние 5 рублей золотом, подаренные когда-то бабушке

своим отцом. Но кто привёз, сколько дней они ехали, нам неизвестно. Ещё раньше в эти места выехал Михаил, и вся семья ехала к нему в Зырянку. Позже все оказались в Батурино. Почему так было, что влияло на переезды. Позже Михаил вернулся с семьёй в Зырянку под изменённой фамилией своей матери Хаустовой на Фаустова. И таких семей было много. Люди понимали своё подневольное положение и жили только надеждой на свободу и на встречу с родным

НАША СЕМЬЯ

Папа очень тонко чувствовал «свое место», которое за него выбрали другие. Постоянный страх всего и всех – начальников, рабочих, ссыльных, соседей, взрослых и даже детей. Мы ещё до рождения начинали жить в этой атмосфере подсознательного страха. Я это впитала в себя «с молоком матери» и до сих пор – не трусиха, но страх во мне. Это разные вещи: просто чего-то испугаться, а тут постоянно подсознательное чувство «а вдруг...». Особенно «боюсь» любых начальников и всех кто по рангу выше меня, потому о своей карьере никогда не задумывалась, лишь бы не заметили. А свободу очень люблю во всем, не терплю даже замкнутого пространства. «Загородка» города Северска (режимный город), где бывала в гостях у Нины, вызывала во мне чувство «зоны». Даже в городе Стрежевом на севере Томской области прожила всего полгода в 1975 году. Невозможность вылететь из-за погодных условий, а другого пути не было, заставило меня вернуться в Асино. Теперь там всё иначе. А вот в поездки отправлялась с удовольствием одна – сбегала от всех кого «боялась». Но все это начала осознавать уже в 90-е годы, когда появились публикации о репрессиях, свободные разговоры с теми, кто выжил, кто помнил, кто об этом писал. Из всех сестёр самая свободная и прямолинейная была Нина. Она очень рано в 14 лет уехала в Томск, и многое из нашей жизни просто не знала и не помнила.

В нашей семье был лад. Если и были какие-то ссоры, дети этого не видели и не слышали, а они бывали. Самая крупная была, когда папа «загулял», хотел уйти из семьи, где уже были дети, но мама своевременно упредила - «отрублю голову». Папа об этом даже у тещи спросил, и та подтвердила – «сможет». Папа остался. Об этом эпизоде своей жизни они вспоминали уже в Асино. Мама спрашивала больного папу «Ну, где твои ухаждёрки, почему не ухаживают за тобой». Папа только благодарно улыбался. Мама имела твердый характер, и, конечно, понимала свое превосходство – «свободная»! Когда папа узнал о тайне в семье, что живут мать его детей и тёща по чужим документам и с чужими именами, мы не знаем. А бабушка Мария Константиновна так и умерла 13 июня 1950 года с чужим именем - Елизавета Григорьевна, так записано в документе о кончине. Вот так досталась «свобода» семье мамы – мать под чужим именем лежит на чужом погосте, брат под чужой фамилией на Стеле памяти в селе Зырянское, отец 7 часов прожил в Томске и умер, детям пришлось в суде доказывать родство с родной матерью - Руднева Мария - Софья. Только врождённое и воспитанное благородство и порядочность помогли родным не только выжить, но и детям передать лучшие качества своего Рода.

О любви разговоров не велось - была семья. Папа уважал маму, и было за что. На фоне многих ссыльных, наша семья была благополучной – ни пьянок, ни

ругани и относительный достаток в доме. Чистота во всем и в отношениях тоже. У мамы не было чувства ревности, хотя у папы были поводы для этого. Многие женщины после войны остались вдовами, и мама понимала своих «кумушек». Никогда не устраивала скандалов, а все разборки кончались за чайным столом с мамиными пирогами. Папа вообще не мог ругаться, кричать, никогда и никого не ударил. Мама могла и ремень применить, но не для удара, а опять - для страха. Ремень всегда висел на видном месте, на нём папа правил бритву – офицерский, широкий, из толстой кожи с пряжкой. У ремня было свое имя - «Учитель». Мама грозилась применить его, но мы уже знали результат угрозы и не боялись. А защитницей всегда была милая, добрейшая, умнейшая бабушка, она звала папу Максим, так его звали в посёлке. Бабушка говорила нам о библейских именах в семье папы: Пётр, Ольга, Александр, Дмитрий, Нина, Моисей, Николай, Павел. Семья была религиозной, за что и пострадали. Папа считал себя баптистом, не ел свинину, ещё что-то было, но бабушка его убедила: «Максимушка, Господь простит». Потом папа принял и соблюдал все православные праздники уже без бабушки. Он начал есть это мясо, а потом даже держали свиней, детей надо было кормить. У нас было две коровы – на маму и на бабушку – ей разрешали тоже держать корову, сын Михаил был на фронте. Папу спасало это, да и всю семью – молоко, особенно масло. Мама говорила, что папа ел бутерброд, где масло было толще, чем хлеб, этим спасался. А у него уже был больной желудок.

Слева: Валя, папа, мама, бабушка, Нина.

БАТУРИНСКИЙ ТЫЛ

В военные годы папу не брали на фронт сначала как «раскулаченного», потом как «непригодного». На судовой верфи – военном объекте, нужны были ответственные рабочие и папу – «чернорабочего», переводят на должность «лесобракёра» в декабре 1942 года, а через месяц назначают «кладовщиком круглого леса с ответственностью за пиление». Всю войну он был в этой должности и 19 декабря 1946 года награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.». Документ о вручении медали подписал «председатель поселкового совета Кошелёв Илья Евстигнеевич», они хранятся в семейном архиве. После поиска в интернете и чтения книг появилось представление о значении «круглого леса» для фронта. Из него собирали понтонные мосты, по которым форсировали реки. Позже узнала что были специальные понтонные батальоны. Об этом вспоминали защитники Ленинграда в одной из юбилейных телевизионных программ. Этими брёвнами укладывали по болотам «лежнёвки» для прохождения пехоты. Каждое бревно было на учёте, от этого зависела жизнь солдат. За всю войну у папы не было никаких замечаний. Он от природы был

очень честным и обязательным. За всю жизнь мы не слышали в адрес папы никаких неприятных слов. На верфи ещё готовили приклады для ружей из берёзы, собирались лодки, паузки, баржи. Вот когда пригодились знания и умения братьев Таскаевых. Им не было замены даже выпускниками ВУЗов. Война ещё продолжалась, а стране нужен был лес в освобождённые и разорённые районы. После войны освоили строительство дебаркадеров, которые были на всех пристанях Обского и даже Сибирского бассейнов.

Рабочих на судовой верфи не хватало. В посёлке ещё до войны была организована школа фабрично – заводского обучения. В 1942 году на судовой верфь направили работать 250 учащихся ускоренного выпуска школы ФЗО. Это были подростки со всей области, которые жили и учились в Батурино. Среди наших родственников есть ученики этой школы. В посёлке этих учеников звали «фэзэушниками», они были на полном обеспечении. Им выдавали полный комплект одежды – синюю или чёрную фуфайку, брюки, обувь, даже нижнее бельё, носки. Для них было общежитие в бараке, была столовая, где их кормили. Для многодетных семей это была небольшая помощь в решении детских проблем. О роли труда подростков в годы войны есть публикации, и батуринские «фэзэушники» достойны своей доли памяти. В живых остались единицы, но сохранились документы ФЗО в полном объёме в Асиновском государственном архиве. В городе существует «Музей истории профессионального образования города Асина» при Асиновском техникуме промышленной индустрии и сервиса, который отметил своё 70-летие, но в нём нет истории районного профтехобразования. Надеюсь этот музей поможет заполнить страницу Батуринских «фэзэушников».

Большинство мужчин ушли на фронт, рабочих не хватало, а военный заказ необходимо выполнять в срок. Администрация судовой верфи и медицинская комиссия понимали, что от них зависит решение об отправке рабочих на фронт. Папа получил «бронь», и оставался на работе. Врача больницы звали Людмилой, мама при ней работала санитаркой и даже иногда выполняла обязанности медсестры. Она принимала меня при рождении, моё имя от неё – нашей спасительницы.

О военных годах знаем со слов мамы. Судовой верфь перевели на военное положение, работали день и ночь. Вся территория была загорожена колючей проволокой и охранялась солдатами. Рабочих отпускали домой только помыться в бане. Где они спали, и как питались, не знаем. Была в посёлке столовая в военные годы, позже я её хорошо запомнила. В ней обедали приезжие, временно проживающие в поселке по какой-то причине - военнообязанные, выпускники учебных заведений, командировочные. Рабочие обедали на рабочем месте. В нашей памяти сохранилась картина – Валя, Тоня, я и соседские девочки, носили обед к проходной, там солдат вызывал наших отцов, они забирали еду. Вечером, после

гудка, рабочие шли домой. Вся жизнь в посёлке подчинялась этому гудку – утром, в обед и вечером. Такие гудки были в рабочих посёлках, в деревнях этого не было.

Людмила с подругой Людмилой Лаптевой

14 лет.

Папа был не скупой, но экономный, очень жалостливый, особенно к старикам, больным и калекам. Такие люди в поселке были, и они в нашем доме находили не только хлеб–соль, но даже ночлег. Чинилова Катя и её брат Александр, были частыми гостями много лет. Катя умела ворожить и папа очень ей верил. Бабушка Зайченкова была очень дружна с бабушкой и мамой. Однажды я ходила к ней ночевать в избушку на самом берегу Чулыма. Мама просила записать с её слов какие-то наговоры и молитвы, она могла лечить людей. В послевоенные годы было много ссыльных немцев, украинцев, молдаван, латышей, литовцев. Они находили в нашем доме советы как прижиться в этих условиях. Всегда мама кормила

их, поила чаем с кусочком хлеба или давала какие-то овощи с огорода. Я помню, как один початок кукурузы мама обменивала на ведро картошки, нам этот овощ был в диковинку. Украинцы тётя Дуня с сыном Колей, соседи Почапские, немцы, молдаване, литовцы находили в нашем доме приют. Много было женщин и детей, родители понимали их положение, а в это время папа еще был под комендатурой, но я не помню запрета на помощь этим ссыльным.

Вместе с русскими ссыльными работали люди разных национальностей, высланные из европейской части страны. Папу уважали рабочие и начальство - не предавал, всем помогал, выполнял нормы до 135 %. Кареву доверяли секреты - он был надежным. К офицерам относился, конечно, со страхом, но и с уважением - грамотные, интеллигентные. Были среди них и настоящие изверги. Лето 1946 года. Пришел первый пароход, народу на берегу много, и люди видят, как ведут конвоиры папу. Он попросил передать об этом маме - куда, почему, зачем повезли - он не знал, а она ждала ребенка. Антонина родилась 22 декабря. Папа вернулся скоро. Его возили на очную ставку в Новосибирск по делу Ведренцева. По словам папы - стояли трое, один сказал о том, что раньше пахали на конях, а теперь на коровах - и всё. На очной ставке папа все отрицал. А этот человек только молча показал папе свой беззубый рот. Он был в очень плохом состоянии, и скоро его отпустили, но прожил в посёлке недолго и умер. Оба знали доносчика, он был даже нашим соседом, но мы об этом узнали уже взрослыми. У папы был страх и внешний, и внутренний - на подсознании, а это на всю жизнь, но он не унижался, не строил карьеру, а просто хорошо работал. Конечно, были обстоятельства, от которых в душе были боль и обида, понимание невозможности перемен, но в душе жила надежда.

С. С. С. Р.

НАРКОМВОДТРАНС, **Удостоверение личности** № _____

Предъявитель сего Руднева
Елизавета Григорьевна
 является иждивенцем работницы Батуринского лодоч(?) участка
Действительно по 15 сентября 1937 г.
 (темпель и подпись) В. М. М.
 Время выдачи 13 июня 1937 г.

РАЗНЫЕ ОТМЕТКИ

М. П.

(подпись выдателя удост.)

Удостоверение личности. Предъявитель сего Руднева Елизавета Григорьевна является иждивенцем работницы Батуринского лодоч(?) участка. Действительно по 15 сентября 1937 г. Время выдачи 13 июня 1937 г.

МУДРОСТЬ БАБУШКИ

К нашей семье относились с уважением еще из-за бабушки – она лечила молитвами, погружала младенцев, отпевала умерших. Лечить и даже совершать какие-то обряды её благословил ещё священник храма в селе Ново–Романово, который был построен по инициативе ее родных, где дед Семён был старостой. На большом портрете бабушкин лик представляет благообразное лицо с правильными чертами и выражением мудрости в глазах. Портрет выполнен заезжим фотографом, уже после кончины бабушки, с её удостоверения личности иждивенки. О её помощи людям администрация поселка знала, но старались не замечать. Они тоже к ней обращались за помощью, особенно когда болели дети. Бабушка умерла 13 июня 1950 года, её гроб мужчины несли всю дорогу на руках – это была последняя благодарность людская. Моя бабушка для меня НАСТАВНИК на всю мою жизнь. Её большой портрет в Красном Углу, с ней говорю, советуюсь, радуюсь и она понимает меня.

Об отношении к нашей семье чиновников и офицеров, красноречиво свидетельствует крещение сына Дмитрия. Это я очень хорошо помню. 25 сентября 1949 года родился сын, это была долгожданная радость. Обряд погружения бабушка совершила днём, а вечером на крестины пришли гости – офицеры, все в черных шинелях с погонами, фуражки с высокой тульей и «золотыми» кокардами. Мы сидели на полатах над печкой, и нам вся эта красота была хорошо видна. Крёстным отцом был председатель поселкового совета Кошелев Илья Евстигнеевич, с ним была его жена – мы её звали тётя Груня. Крёстной матерью – учительница математики Анна Васильевна Коптелова – её муж, Коптелов Дмитрий Сергеевич – офицер, заведующий банком. Анна Васильевна сама пекла торт «Наполеон» - так она его называла и это запомнилось. Она пекла прямо на плите коржи, украшала цветными конфетами-подушечками, крем варила из молока, масла и муки... 65 лет прошло, а я всю эту картину вижу из того «далека» и спасибо за эти счастливые мгновения нашего детства. Но за все приходится платить и за это тоже. Один из гостей оказал папе очень «медвежью» услугу уже в 60-х годах, но папа простил всё. Об этом поступке батуриныцы знали и они тоже терпели. Коптеловы оказались очень благородными людьми, до последних дней жизни в поселке сохраняли с нами хорошие отношения. Их перевели в Эстонию, они писали нам письма. Но был такой случай. Из Новосибирска приехал проверяющий и папу несколько раз допрашивал об этих людях. Они жили с дочерью Аллой и бабушкой, которые часто гостили у нас. Папа знал про каких-то Коптеловых в Новосибирске, его просили подтвердить это знакомство, но он только отрицал всё. А фамилия у того проверяющего была знакомая

папе по ссылке Дмитрия. Был ли этот тип именно тем, кто отправил брата на Колыму, но очень скоро наших друзей и покровителей перевели в Эстонию, случайно ли? Какую силу воли надо иметь, чтобы все это пережить, выжить и не показывать на людях свое душевное состояние. Это и было для нас родительским воспитанием. Только теперь, имея документы, начинаю не только умом, сколько душою и сердцем, понимать каких замечательных родителей нам Господь послал! **Я довольна уже тем, что могу оставить эти записи нашим потомкам – пусть знают, ценят опыт предков и работают над собой – жить порядочным человеком не просто, но так надо, в память о тех, кого уже нет.**

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

А жизнь продолжалась, и я снова вспоминаю, стараясь понять себя и свою семью. Мы жили совершенно одинокими среди чужих людей, но умели с соседями ладить и к нам шли за помощью, за советом. Разговоры о родных при детях были редки и только в доступной форме. Но папа и мама в душе, а может и в разговорах, вспоминали своих родных – живы ли, где они, помнят ли, знают ли про них. Фотографии, которые удалось сохранить, подтверждают возможное получение писем. Но если они были, то хранить их было опасно. Каждая весточка с родины дарила надежду на встречу. Семья жила трудно, но дружно. Учились мы хорошо, всегда одеты, обуты и сыты. В хозяйстве было 2 коровы, овцы, свиньи, куры, огород возле дома 12 соток и в поле 24 сотки. Эти сотки давались на членов семьи. Каждую весну эти сотки уточнялись, их могли уменьшить или дать в другом месте. Уже в 60-е годы был конфликт и с нашей семьей.

Папа не был увлеченным охотником, но среди его документов сохранились три охотничьих билета, выданные в 1954, 1963 и 1973 годах. Только из книг я узнала, что ссыльным не только не разрешалось иметь ружьё, но даже без разрешения ходить в лес. Как пишет один из батуриных ссыльных, что рядом был лес – кормилец, а мы умирали с голода. Только после освобождения в 1952 году папе дали охотничий билет. Он иногда приносил домой утку, рябчика или глухаря - радости не было предела – добытчик! Он умел радоваться простым вещам. Иногда рыбачил и тогда уху называл «царской». Говорил нам, что «своё всегда вкуснее». Гурманом он не был, но еду ценил. Мама была хорошим кулинаром, особенно ее булочки и пироги любили все соседи. Мы выносилистряпню на улицу и всех угощали. До сих пор знакомые вспоминают наши булочки. Мама не работала по состоянию здоровья, но помогала, как могла. Все домашнее хозяйство было на ней. Мы продавали молоко в тех самых четвертях, о которых пишет Владимир. А мне тогда было лет 10 – 11 и носить эту тару было очень опасно – она могла разбиться, а купить ее было невозможно –

они были только в аптеке. Продав молоко, в тех самых бараках, семьям послевоенных ссыльных, я шла в магазин за хлебом. Как шла обратно с четвертью и хлебом трудно даже представить. Была и другая четверть с дырочкой внизу, прообраз сепаратора. Но каким мастерством надо обладать, чтобы просверлить эту маленькую дырочку раскалённым маленьким сверлом! И сохранить всю бутылку! Молоко отстаивалось, и его сливали, а сливки оставались для сметаны и масла, которое надо было сдавать за налог на коров. Продавали овощи с огорода, зимой спросом пользовались соленые огурцы из бочки и капуста – рубленая ножом, с добавлением моркови и свёклы, а также специй: чеснока, укропа, перца горошком, лаврового листа. Сразу солили в бочку в погребе, заквашивание проходило медленно, капуста получалась сочная, хрустящая, ароматная, розовая! Рецептами мамы пользуюсь я даже теперь. Позже солили в квашеной капусте арбузы и яблоки – папа их очень любил. Мне теперь кажется, что они ему напоминали дом и свое детство.

В папе проявлялись черты городского жителя, в одежде чувствовалась щеголеватость, все вещи, даже рабочие, были чистые, опрятные. Уже в Асино носил шляпу с шарфом, рубашку застёгивал на все пуговицы, а пальцы были искривлённые, и я помогала ему в этом обряде. Особое внимание было к обуви, ему доставляло просто удовольствие чистить обувь для всей семьи рыбьим жиром или позже кремом, сапоги дёгтем. Он вспоминал, что у них были выходные сапоги, и ребята носили их по очереди на вечерки. Папа мог даже применить одеколон, но не мама. Ей не разрешалось даже пудриться, красить губы, щеки. Собираясь в гости, мама сначала подавала все отцу, он собирался, и выходил на улицу её ждать. Но терпения не хватало, и он заходил в дом с претензиями, почему так долго «она наряжается». Мы всегда любили наблюдать эту картину. Был у папы любимый наказ детям: «Девчонки, помогайте матери!» При всех своих желаниях, папа никогда не ущемлял семейный бюджет ради себя, на первом месте были дети и мать. Он всегда помнил о семье и старался, хотя бы букетик луговых цветов с сенокоса, какую конфетку, обязательно подарить, а не просто отдать.

Папа никогда нас не ругал, но его просьбы мы старались выполнить так, чтобы он похвалил. А для него было важно все делать только хорошо, не ради похвалы, просто не мог иначе. Особенно трудно было на сенокосе: встать рано утром, ехать по Чулыму на лодке с ручной греблей, а позже с мотором, добираться по кочкам до заветной полянки и тогда передышка. Однажды видели медвежьи следы, и каково было папе с двумя подростками чувствовать такое соседство. А солнышко еще только встает и папа рад – «до солнышка успели». Копны были небольшие, но и они для нас были тяжелые. Папа был впереди, а мы сзади. Берёзовые лаги под копнами не всегда охватывали полудетские ручонки, и они

выпадали. Дорогу не видно, кочки высокие, и мы падали, но поднимались и снова шли. Никогда папа не повысил на нас голоса, он понимал нас, а мы его - кто еще мог помочь отцу?

Коллектив рабочих УЖД Лайского леспромхоза. 1 ряд справа второй: Карев Моисей Григорьевич, первый слева Можейко. Много знакомых лиц - поиск ещё впереди!

В 50-е годы появилась в посёлке «узкокалейка», которую строили ссыльные. Набор на курсы машинистов паровоза долго обсуждался в семье, и, как всегда, последнее слово было за мамой. Она благословила отца на эту работу, и он был ей благодарен. Но учеба давалась с большим трудом, особенно химия. Папа совсем расстроился, хотел даже бросить, но директор уже заметила его отношение к работе и на его заявление о том, что «не хватает ума в голове», посоветовала занять «в другом месте». Фамилия директора была Боровских, кажется звали Людмилой. Как папа был ей благодарен и всегда смеялся об этом эпизоде в своей жизни. Сохранилась фотография первого выпуска машинистов. А какой преподавательский состав! А химию ему помогала учить Валя, она училась в старших классах. Тоня вспоминает, как папа брал с собой конспекты, когда на лошадях ездил зимой за сеном. А эта поездка была на весь день, и он мог прочитать конспекты. Папа писал грамотно и довольно разборчиво. Его письма и открытки читать интересно, в них он употреблял те слова, которые вслух произносить стеснялся, но в душе они были всегда. Учеба была

Если мне не изменяет память, то надел земли давали конкретно на человека – взрослого и ребёнка. Однажды забрали часть нашего разработанного и удобренного поля, но люди не взяли этот участок, им было стыдно у нашей семьи отбирать, и земля осталась зарастать бурьяном. А мы корчевали новый участок. Громадные остатки деревьев распиливали на части, добывали из земли мощные корни и всё сжигали на этом же участке. Отдохнувшая земля давала хороший урожай много лет. Всё поле было 24 сотки и все работы снова были при нашем участии. Эти, трудоемкие для детского организма работы, отразились потом на здоровье, и нежелании заниматься любимым сельскохозяйственным трудом. Это была необходимость выживания и помощь родителям. Ленивыми нас не назовешь, все настоящие трудоголики и каждый на своем месте.

«КАРЕВСКАЯ ПОРОДА»

Воспоминания о папе самые добрые и благодарные. Как можно было в тех условиях остаться порядочным человеком, быть примером не только в семье, но и для всех, кто был рядом. В поселке сохранилась только благодарная память, и нас всегда встречают земляки как детей Моисея Григорьевича и тёти Сони! Спасибо всем его родным, которые в нужные дни не оставили своего брата, а помогли выстоять – это дорогого стоит – порода КАРЕВСКАЯ! Кто были наши предки, где жили, чем занимались – поиск еще впереди. А родные теперь по всему свету. Боковые ветви живут совсем рядом – в Пихтовке (со слов Николая Николаевича Карева в январе 2015 года по телефону). Что известно им о предках, которые приехали в Сибирь с нашим Григорием Павловичем. Имеем ли мы отношение к казачьему роду, и почему у деда Гриши была одна серьга на ушной раковине, об этом говорила Вера Петровна Карева (Петрова) и другие родные. С помощью интернета узнала, что серьга в левом ухе означает единственного сына у матери. Носить серьгу в правом ухе имел право самый младший сын, как могло быть у деда, у него были братья. Какое отношение было к религии, если все дети имеют библейские имена, папа себя называл баптистом, а Вера Петровна утверждала - молокане и ее отец Петр Григорьевич Карев был проповедником. Возможно, из уважения к этому человеку члены этой секты спасали парализованную мать Петра от ссылки. **Вопросов много и ответы надо и ещё можно находить.**

Самая долгая связь была с Верой Петровной Каревой (Петровой), дочерью Петра Григорьевича, первой внучкой деда Григория. В очередной приезд в Томск, мы - Нина, Антонина, Людмила с внучкой Алёной, навестили Веру Петровну. Она была в разуме и ясной памяти, хотя ей было 87 лет, шутила, вспоминая о былом.

Петрова (ур.Карева) Вера Петровна, первая внучка Карева Григория Павловича.

Запись рассказа Веры Петровны Каревой: «Мы жили уже отдельно в собственном доме, который строили отец (Пётр) с дедом (Григорием Павловичем Каревым). Мать (Мария Александровна Карева) очень болела, и бабушка (Евдокия Васильевна) ухаживала за ней. Отца уберечь не смогли – умер от тифа в 1919 году. Дед Моисеев – отец мамы, был наездник на ипподроме, очень любил коней и участвовал в «бегах». Умер в 54 года. Дед Григорий Павлович Карев покупал и пригонял лошадей из южных областей для перепродажи, но конину и свинину не ели. Заготавливали сено, сенокос был очень далеко, специально в это время кололи барана. Григорий Павлович не только построил нам дом, но и подарил водяную мельницу. Мельница стояла на золоте, такой был обычай, чтобы хорошо работала. У деда оставалась мельница на дизельном топливе (это подтверждается документом из архива УМВД по Томской области стр.12). Был очень большой огород и бахча, где росли тыквы. Было много подсолнухов, семечки были крупные, и соседские ребята просили «Богатенькие, дайте семечек». В хозяйстве деда были лошади, коровы, овцы, много кур и стадо гусей. Муки было много, и бабушка очень хорошо стряпала. Дед любил хорошо и много кушать. Был очень ревнивым, если бабушка надевала белый платок, дед непременно спрашивал, для кого она нарядилась. Дед очень любил баню и мог дважды заходить париться, воды горячей было много от мельницы.

Сыновья Пётр, Александр, Дмитрий и дочь Ольга жили отдельно. Всю семью раскулачили. Деда арестовали на 10 лет. Ольга жила с мужем в Новосибирске в доме, который купил дед. Она была беременная, при встрече с мужем его забрали, и она его больше не видела. Первый ребёнок умер. Деда освободили раньше, он пришёл к Ольге, но второй муж был от красных, она не могла оставить отца у себя. Дед пошёл в деревню, сильно простыл и умер (по другой версии он замёрз под стогом сена). Мы жили там до 1929 года, а потом переехали в Томск. Я ездила в гости лет 13-14, и была в квартире у Дмитрия. Видела его жену Марию. Вся семья была трудолюбива, жили в достатке и очень дружно, воспитание детей было строгим. Мужчины были высокие и красивые, женщины были статные, хорошие хозяйки. Дедушку с бабушкой хорошо помню, и они меня любили. А вот о жизни в Башкирии ничего не знаю. Я первая наследница в этой семье. С Моисеем и Соней все годы роднились. Моисей перед ссылкой знал, где мы живём».

Тётя Вера была в хорошем настроении, много шутила, была рада встрече с нами. Многие годы она работала медсестрой в детском садике. Муж Михаил Петрович Петров, офицер, добрейший человек, умел хорошо готовить. С удовольствием гладил бельё, всё мог в квартире наладить, один был грех – запои. Он гостил у нас как-то летом. У Веры Петровны был сын Игорь и дети от Михаила Петровича - Светлана и Валерий. Детей в живых уже нет, а внуки были только у Валеры, он жил в Томске последние годы один. На месте их дома теперь высотка. Вера Петровна многие годы принимала всю нашу семью. Папа, конечно, знал о жизни в Томске Колупаевых, но как состоялась переписка и первая встреча, мы не знаем. В 1952 году Нина уже жила у Марии Александровны – матери, а потом у Веры Петровны по целому году, когда училась в медицинском училище. Мама после операции в зимнее время в Томске жила долго в ожидании первого парохода в Батурино, кажется, у тёти Маруси. Вся наша семья всегда находила в их квартирах приют, когда по необходимости приходилось бывать в Томске. С мамой родные папы были очень близки, и тётя Вера приезжала к нам. У них были душевные разговоры, а папа любил передать им хоть немного деревенских продуктов. Никогда никто из нас не слышал от нее даже простого недовольствия от создаваемых неудобств, а квартира была всего лишь двухкомнатная «хрущевка».

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

После освобождения папы в 1952 году начались поездки. Первыми поехали папа с мамой в Новосибирск. Мама рассказывала о встречах с родными папы. Пришлось узнавать друг друга. Уже не было Александра, Павла и Дмитрия. Нина жила в Таганроге. Встреча состоялась с братом Николаем, его женой Марией и детьми Верой, Любой, Николаем. Сестра Ольга и семьи её дочерей Августы и Галины тоже жили в Новосибирске. Сноха Евдокия Макаровна жила с сыном Геннадием в собственном доме, а сыновья Пётр и Владимир жили отдельно со своими семьями. Какое впечатление произвела мама - неизвестно, но её приняли по-родственному. Мама имела твердый характер, и папа часто разрешал ей решать семейные проблемы, но был прекрасным исполнителем. Он был всегда уверен в правоте маминого выбора. На своей родине, в кругу своих родных, ему хотелось быть лучше, быть таким, как его воспитывали родители, и мама увидела совсем другого мужа. Он был внимательным, предупредительным, разговорчивым. Впервые маме подавал пальто, проявлял уважительность в беседах, за столом. Это был совсем другой человек, которому надо было привыкать к

свободной жизни, но условия многих лет оставили отпечаток на все времена.

Первая встреча в Батурино остаётся незабываемой. Первым приехал к нам дядя Коля (Николай Григорьевич) с сыном Николаем (Николай Николаевич). Это было летом, возможно 1962 или 1963 год. Я уже жила отдельно и далековато от родителей. Телефонов не было, но как-то очень быстро сообщалось. Подходя к дому, я увидела на лавочке «папу», но это не мог быть папа – в белой рубашке и на лавочке в это время дня. Конечно, это был наш гость – брат папы. Я впервые видела родственника, внешнее сходство было очень заметное. Характер и манеры были, конечно, разными, но это влияние среды – городской и свободный, сельский и ссыльный. Гостили недолго, я мало общалась с ними, и не очень хорошо запомнила эту встречу. Но для папы это было начало нового «этапа» в жизни. Вместе с нами радовались соседи, такие же ссыльные, у них появлялась надежда на долгожданную встречу со своими родными.

Вторым визитёром была тетя Оля (Ольга Григорьевна). Не запомнить её невозможно – такая похожесть на папу во многом. Она не сидела минуты без дела, постоянно «суежилась» - любимое слово папы. Очень характерная походка – летящая над землей, легкая, устремленная вперед. С удовольствием вела разговоры, ей все было интересно и с ней поговорить приходили соседки. Человек из города, приехала навестить брата – это не только семейная радость, но всех, кто жил рядом.

Встречу с Татьяной (внучка тёти Оли и дочь Августы), хорошо помню. Бабуля так описала ей нашу жизнь в лесном краю, что она захотела нас навестить. Она приехала именно ко мне. Я жила одна, работала учителем в школе, была комсомольской активисткой, вела

программы местного радиовещания, готовила праздники. С Татьяной мы сразу нашли общий язык. Нам было весело, и мы хорошо понимали друг друга. Отношения были на равных – на роль «тёти» я не подходила. Татьяна на дискотеках произвела огромное впечатление на молодежь – красивая, яркая, коммуникабельная, одетая по последней моде и зажигающая в танцах! Она добавила авторитета мне, а воздыхателям осталась только память. Позже я посещала Татьяну в её квартире в Новосибирске. Она подарила мне медный настольный крест ручной работы. Он хранится у меня с другими ретро-предметами. У неё был сын Олег, но его не было дома.

До сих пор впечатление просто неизгладимое – братья Владимир и Геннадий. Высокие, стройные, с благородными лицами, воспитанными манерами! Они подарили нам шахматы, но мы так и не научились играть. Только внучка Маша проявила интерес, и теперь посещает занятия. В поселке играли немногие, а шахматы мы хранили и привезли в Асино, на них была дарственная надпись. В 2010 году подарили в гимназию, в этой школе работали и учились, четыре поколения Власовых-Каревых. Конечно, нам было очень интересно беседовать с братьями, но врожденный страх, заниженная самооценка, стеснительность, не позволяли говорить с ними на равных. Мы понимали свою малообразованность, узкий кругозор, невозможность представления городской жизни. Это были образованные, умные, интеллигентные, городские люди – наши родные братья - гордость Каревских девчонок! А какие чувства были у папы невозможно выразить словами. Он понимал, что возврата к прошлому не будет, но у него есть родные, он теперь не одинок.

Владимир с Геннадием предложили Вале приехать в город Новосибирск. Она поехала, но скоро вернулась. Все условия для того, чтобы закрепиться в городе, были для неё созданы. Жила у Каревых в Буграх. Кто из детей жил в то время в семье дяди Коли и тёти Маруси? Её устроили на работу, но приспособиться к городской жизни она не смогла. Позже с мужем переехали и 40 лет прожили в Волгограде. И на чужбине вели очень замкнутый образ жизни.

АСИНОВСКИЙ «ЭТАП»

Другие встречи были уже в Асино. В январе 1971 года меня перевели из Батуринской средней школы в ГК ВЛКСМ города Асино. Год прожила на квартире. С хозяйкой Татьяной Павловной Леонтьевой были почти родственные отношения до её отъезда к сыну Анатолию в Крым. Там мы всей семьёй отдыхали в 1984 году. Скоро я получила однокомнатную квартиру, в марте 1972 года родители переехали ко мне в Асино. Причиной переезда была болезнь папы. Они остались совсем одинокими, все дети покинули

посёлок. Этот переезд продлил родителям жизнь. Папа просто воспрянул духом – он попал в родную стихию маленького, но все же, городка. Надев пальто и шляпу, он любил гулять пешком по улице Ленина от остановки Крайняя, где была квартира на улице Крупской, до вокзала. С ними приехала внучка Наташа, ей было три годика. Антонина с мужем жили в Томске. Тоня училась на вечернем отделении, Саша работал, и Наталья три года жила с дедушкой и бабушкой в Батурино. Папа водил её в кафе на вокзале, где посетителей обслуживала официантка. Им это очень нравилось, и не знаю кому больше – внучке или деду. Наталья это хорошо помнит. Папа любил посещать культурные мероприятия. В те годы много творческих коллективов посещало нашу глубинку, особенно во время фестиваля искусств «Северное сияние». Для папы это было всегда маленьким праздником.

В июле 1973 года меня направили на работу заведующей отделом культуры райисполкома, и в октябре дали двухкомнатную квартиру в новом доме по улице Ленина. С культурой меня связывала только самодеятельность. Большую методическую помощь оказала учёба во Всесоюзном пионерском лагере «Орлёнок», курсы комсомольских работников в Омске, Всесоюзный семинар работников культуры в Ульяновске, курсы повышения квалификации в Томске. Я благодарна судьбе за учёбу, за хороших учителей, за регулярные поездки по Советскому Союзу и даже за границу – в Польшу и Чехословакию. Комсомол и культура подарили мне такой заряд бодрости и энергии, которым живу до настоящих дней.

Папа болел, оперировали в Томске, нужен был постоянный уход. Мама всегда была рядом и теперь ей пригодились медицинские навыки. Папа был на учёте в «Скорой помощи», много раз его просто спасали на улице. Мы тогда уже жили в трёхкомнатной квартире со всеми удобствами на первом этаже. Я имела возможность выбора квартиры, но мама убедила остаться на первом этаже из-за папы и детей. Через 10 лет проживания в собственном доме, случайно мне вновь досталась такая же квартира и вновь на первом этаже.

Карев Пётр Александрович с женой Любовью

Первым асиновским гостем был Пётр Александрович Карев. Эта встреча была совершенно неожиданной для нас. Кажется, это был 1975 год. Мне позвонил папа и сообщил новость о том, что приехал Пётр. Я уже о нем знала и, конечно, понимала, с кем мне предстоит сейчас встретиться. А Пётр... накрывал обеденный стол. Он тоже понимал к кому заехал. Папа суетился бестолково. Мама пыталась что-то извлечь из холодильника, хотя этого совсем не требовалось, да там и не было того, что оказалось на нашем столе. Колбаса, шпроты, сыр, даже икра, которую я не только впервые кушала, но видела, что-то крепительное... Недолгий разговор, короткая встреча, но этих минут было достаточно, чтобы продлить папе жизнь. Папа был в восторге, чувство радости переполняло его. Пётр Александрович нашел возможность заехать из села Зырянское, где был в командировке, к бывшему ссыльному дяде. Через несколько лет я воспользовалась помощью брата, и он оказал мне услугу - через 20 минут, после вынужденного звонка к нему, я имела на руках билет на самолет до Томска. Сейчас в моей библиотеке хранится книга Григория Федосеева «Смерть меня подождет», где на странице 450 заложена фотография Петра с женой Любой. Автор описал внешность своего героя, не изменяя имени и фамилии. «Петя Карев – главарь базисной партии, как его называют шутя. Худой. Длинный. Он шагал мерно, твердо, походкой вождя сильного племени». Таким запомнила его и я. Три строчки в книге, годы дружбы с автором, и Пётр Александрович даёт развернутое интервью о писателе. Однажды, совершенно случайно, включила телевизор днём именно в тот момент, когда на сцену был приглашён «Пётр Александрович Карев». Секунды длилось мгновение этой встречи, но память хранит уже годы. Это были юбилейные торжества той организации, где он работал. Как можно эту «случайность» объяснить? К сожалению, здоровье уже давно не позволяет дорожные переезды, но скоро надеюсь овладеть возможностями интернета, чтобы увидеть родные лица.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

В 1976 году я повторно вышла замуж. С мужем знакома была ещё по работе в комсомоле. Власов Владимир Андриянович работал преподавателем истории и начальной военной подготовки в гимназии. В марте 1977 года родилась Валентина, мой первый ребёнок. Получила трёхкомнатную квартиру за организацию городских мероприятий в честь 60-летия Октября. Вале было всего 4 месяца, когда мне пришлось выходить на работу. Иногда не было возможности даже покормить ребенка. Помогали мама с папой, они продолжали жить в нашей семье. В 1979 году родился Алексей. Это был проблемный ребёнок, и если бы не конкретная помощь мамы,

папы, Антонины и его молочной кормилицы Валентины Сергеевны Шитик, всё могло быть иначе. Перед его рождением я перешла на работу преподавателем в училище. С двумя детьми уже было не до «культурных мероприятий». Семья была большая, на лето иногда приезжала Наталья Кухта, дочь Антонины и Александра Кухта. Она не только помогала нам с детьми, но вместе со мной работала на даче. А мужу Владимиру приходилось во время летнего отпуска уезжать на «калым», денег в семье не хватало.

Здесь мы встречали Веру с сыном Димой, ему было лет 10-12. Есть фотографии. Эту встречу я запомнила как поездку на нашу дачу. Вера окинула хозяйским глазом наш участок, и тотчас распределила работу. Все увлеклись так, что про обед забыли. Наш огород совсем не соответствовал требованиям Веры, в чем я убедилась на огороде у ее родителей - абсолютный порядок, чистота, ни единого сорняка. Даже баночки с вареньем и соленьем все были с этикетками! Порядок был и на нашей усадьбе в Батурино, который приходилось наводить нам – Валентине, Антонине и мне. Огород большой, грядки длинные и довольно широкие; полоть, особенно морковь, было очень сложно. Наших рук не хватало дотянуться до середины. Через грядку перебрасывали «мостик», и мы, сидя на этой доске, удаляли сорняки. Капуста, огурцы, помидоры - всё это требовало полива, а воду носили в ведрах на коромысле из реки Чулым. Берег был крутой, и подъём был пологим и долгим. Это было просто неподъёмно для детей, но мы это делали. Надо было успеть всё полить, чтобы потом мама отпустила бы на танцы. К сорнякам у меня совсем иное отношение: восхищение красотой всего растения, удивительной формой листьев, цветовой гаммой зелени, цветочным разнообразием и возможностью сохранения вида в любых условиях! Многие сорняки теперь красуются на клумбах. Как можно все это уничтожать? Увлеченность огородными делами в моей семье проявляется только у Валентины Субботиной. Любовь к природе – это наблюдается из поколения в поколение – теперь уже у правнуков. Им есть у кого учиться и с кого брать пример.

ВСТРЕЧИ МОЛОДЁЖИ

Родные своего родственника не забывали и даже всячески поддерживали. Папа был очень рад нашему знакомству с братьями и сёстрами, с дядями и тётями, с племянниками, с внуками. **Надо, очень надо передать новым поколениям главные жизненные ориентиры своих предков.**

Встречи родных продолжает молодежь. С 2000 года мы жили в собственном доме, который построили Владимир Андриянович с Алексеем, который помогал отцу, чем мог. Рабочих нанимали всего три раза. Строили долго. Дом был большой, 160 квадратных метров,

два этажа. В столовой стоял большой стол для гостей, и семья могла собраться вместе. Алёна каталась на детском велике. На втором этаже две большие спальни и зал с библиотекой в 2000 книг. Балкон с видом на большое озеро Утиное. В первые годы на нём было много домашних гусей и уток. Можно было часами любоваться этими белоснежными красавцами. Наблюдали игру рыб, плаванье ондатров с одного берега на другой, полёты чаек и других птиц на фоне неба. В прибрежных кочках с зарослями осоки, рогоза и других растений находили себе приют дикие утки. Незабываемы осенние выводки диких утят, их первые учебные полеты и семейные отлёты. В те годы ещё цвели у берега белые кувшинки и жёлтые кубышки. Вдоль озера есть насыпная дамба, по которой мы с Алёной очень много гуляли. В 5-6 лет она знала названия 50 диких цветковых растений! Память была хорошая, через год она вспомнила почти все растения. Здесь она получила первые уроки экологии, ботаники, художественного восприятия окружающего мира природы. В 5 лет мы дали ей простой «фотик», на нашем огороде она получила свои первые фотоснимки. Опыт продолжился тремя персональными фотовыставками в городской детской библиотеке в школьные годы. Творческие работы о природе имели высокие оценки на областных конкурсах. Полученное в детстве сохраняется потом всю жизнь!

Возле дома был огород 13 соток с большим цветником, где росли более 30 видов многолетних цветов! Ещё из-под снега видны были цветы анютиных глазок прошлого лета, и до новых снегов можно было любоваться цветочной гаммой и удивительной формой этих природных созданий. Начинали цветение синенькие мускарики привезённые и подаренные литовскими друзьями. Самыми роскошными были кусты красных пионов, букеты которых хватало друзьям и соседям. Голубая весна сменялась ярким летом и переходила в желтизну не только цветов, но и деревьев! Прогулки по огороду с занимательным рассказом привили любовь к природе, ко всему живому Алёне. Через восемь лет уже Алёна водила на прогулки Машу и знакомила с чудесами окружающего мира. Свои знания и наблюдения Маша успешно выражает в рисунках, которые получает в Школе искусств.

Огород был с сиренями, яблонями, вишнями, разными ягодными кустарниками, плодами которых угощались родные. Огород привлекал игровой детской площадкой с фонтанчиком, бассейном и мангалом для взрослых. С балкона второго этажа открывался великолепный природный обзор с трёх сторон. Все восходы и закаты во всей красе ежедневно радовали душу. Особенно помнятся ночи на балконе с огромным звёздным небом и тишина как в деревне. Рядом были только дома односторонней улицы. Была большая летняя кухня, где у детей был свой «маленький домик»; Была деревенская банька, два гаража, большой двор... Такое сочетание всего природного рядом с домом вблизи

центра города встречается очень редко. К сожалению, «родовую усадьбу» сохранить не получилось. Прожили там десять незабываемых лет. Теперь я понимаю разницу «дома» и «квартиры», которая никогда не станет «родным домом».

Дом с участком земли, куда вложен твой труд, где росли твои дети и внуки – правнуки, где сохранялись семейные традиции! Это есть «МАЛАЯ РОДИНА»!

В наш дом, так до конца не достроенный, приезжал Дима с женой Татьяной и дочкой Машей – ровесницей Алёны. В это время Валентина с Алёной жили с нами, и девочки сразу подружились. Сохранилась видеозапись «модного дефиле» – девчата устроили для нас демонстрацию своих «нарядов», спускаясь по лестнице со второго этажа. Приезжали из Томска Тоня с Сашей, все вместе ездили на природу. Было очень весело и дружно.

Была и вторая встреча - Дима приехал с женой Татьяной, дочками Машей и Софией и бабой Любой – Каревой Любовью Николаевной. Я впервые встретила с сестрой Любой. Были всего дня 2-3, домой решили ехать ночью, но на обратном пути их встретила семья Кухты. Заехали в Томск на «часок», но часто именно эти «часы» остаются в памяти на всю жизнь. Спасибо Наталье, которая много фотографировала, и теперь этот диск возвращает нас в те дни, когда все родные! были вместе.

ВСТРЕЧИ В НОВОСИБИРСКЕ

Козляевы: Вера Николаевна (ур. Карева) с мужем Василием Дмитриевичем

Родных мы знаем не только по фотографиям, а виделись с ними на родине папы в Новосибирске. И теперь нам есть о чём рассказать своим внукам и дать им возможность новых встреч.

Зимой 1984 года я была на курсах повышения квалификации при Новосибирском педагогическом институте для руководителей школ. В свободные дни я навещала родных. Три дня была у тети Маруси – Каревой Марии..... Разговорам не было конца. К сожалению тогда не думалось о записи воспоминаний, но несколько фотографий родных мне подарила. С ней жил сын Николай с семьей, они готовились к переезду на свою квартиру. Помню его близнецовых дочерей Ирину и Елену, девочкам было лет 6, они как-то вместе играли, но разговорам старших они не мешали, воспитание было строгим. Эти дни были для меня тоже школой – это была другая жизнь. Тетя Маруся удивила меня пирогами – она принесла их с мороза и разогрела. Они были такими свежими, как только что из печки. Она тогда говорила, что так возили зимой сдобу из Сибири в Москву. Теперь заморозкой пользуются все хозяйки. На всю жизнь запечатлелась банька – крохотная, вся в куржаке, но какая оказалась классная! Натопили баньку Вера с Василием. В ней было очень жарко, а дышать настолько приятно, что легкие просто отдыхали - ингаляция с эвкалиптом – такую воду лили на каменку. Веничек был очень хорош, и Вера парила меня как настоящий банщик. Вода тоже была с травками, последняя была на цветах хмеля. После такой баньки чувствовалась такая легкость, такое отдохновение тела и души, которое помнится все эти годы. И это были прекрасные уроки иного отношения к жизни. В нашей жизни все дела были направлены на выживание, а здесь ещё была забота о других ценностях – душевных и духовных. Мы говорили обо всем, не оглядываясь, не замирая от страха. Для меня это было такое новое ощущение доверительности. А мне тогда уже было 40 лет...

Была в нашей жизни папина банька. Ходить всей семьёй в казенную баню было дорого, и там всегда была очень большая очередь. Папа соорудил свою крохотную на болоте, которое было между улиц посёлка, близко к дому. Болото было небольшое с разными растениями, запомнилось цветение и запах багульника да редкие ягоды клюквы на мху. Банька маленькая в рост человека, топилась по-черному, предбанник холодный. Мама мыла нас и одевала потом в бане, а папа на саночках возил домой нас и бабушку. Вода была из болота, очень мягкая, коричневого цвета. Если вода оставалась, то мылись и соседи.

Папе всегда было приятно оказать услугу даже незнакомым людям. В поселке, уже в 60-е годы, знали, что только Карев весной восстановит мостик через речушку Болван. Это значительно сокращало путь с одного конца поселка до другого, а мы жили в центре. Транспорта не было и все ходили пешком через весь

поселок. Так было несколько лет, пока папа работал машинистом паровоза.

Позже, проездом из Ленинграда, где я отдыхала с землячкой, вместе жили у Козляевых. Купить билет на самолёт до Томска можно было только по заказу. Я позвонила Вере с просьбой о приобретении двух билетов. Вера просьбу выполнила с задержкой на три дня. Вспоминаю встречу в аэропорту. Самолет прилетал ночью, и мы готовы были ждать до утра, чтобы потом добраться до города и железнодорожного вокзала. Однако нас ожидала незабываемая встреча – целая делегация родственников – познакомились, обнимались, целовались со слезами на глазах. Все предлагали свои услуги и ночлег. Мне было не очень удобно, что доставила родным столько хлопот. Жили три дня у Веры с Василием, которые возили нас по гостям. Вера пояснила, что не могла купить билет на нужное нам число, и только перед отлётом я поняла, что она специально задержала нас. Разве такое забывается? А как нас угощала очень вкусной колбасой, которая в те годы была дефицитом? Потом призналась, что она ходила по магазинам в поисках именно такой колбасы. На окне в кухне были шторы как в моей квартире – штапельные, на белом поле зелёные берёзки. Замечала я и другие вещи, манеры, привычки сходные с моими. Это было очень удивительно, приятно и доказательно в отношении нашего родства. В те дни я получила в подарок комнатное растение фатсию. Она не только принялась, но так разрослась, что мне пришлось отдать её в ЗАГС администрации.

Были в гостях у тети Маруси (Каревой Марии Александровны) и решили посетить дом, где жила тетя Дуся (Карева Евдокия Макаровна) с сыном Геннадием. Шли по улице в Буграх, и вдруг мне показывают домик чуть поодаль от пешеходной части. Это дом деда Гриши! Домик был похож на наш дом в Батурино. Восхищения, радости я не помню, был вопрос – за это и сослала? Из этого домика? Тогда про мельницу как-то не думалось. Почему не подошла к нему? Не было интереса? Не понимала его значимости в нашей жизни? Или снова был страх и этот наказ: лучше молчать, а не спрашивать. Зрительно помню этот домик, сохранился ли он на фото у кого из родных. Но когда приблизились к дому Александра Григорьевича и его семьи, невольно сорвалось «За такой особняк можно и сослать». Два этажа, очень добротный, кругом чистота и порядок, небольшой огород. В огороде была Надежда – жена Владимира, но его там не было. Она закатывала помидоры холодной водой, чем меня удивила. Тетя Дуся встретила нас на улице. Очень представительная женщина. Чувствовалась ее духовная сила, строгость даже во взгляде и, конечно, ум. Не удивительно, что ей удалось не только родить, но и воспитать трех сыновей. Муж, Александр Григорьевич Карев, погиб на фронте и мать одна подняла детей. Она была уже несколько лет инвалидом. Я запомнила её

руки, суставы были неподвижны. Это были руки великой труженицы. Геннадий показал нам весь дом.

В те дни мы посетили Августу и Галину, у неё жила их мама Ольга Григорьевна, она была уже очень больна. Во всех семьях чувствовалось уважительное отношение к старшим и строгое воспитание младших. Августа организовала встречу с дочерью Татьяной. Чистоту и уют в квартире молодой хозяйки я разглядывала даже с любопытством. Очень сожалею о том, что не имела в те годы фотоаппарата. В моих многочисленных квартирах нет «домашнего очага», скорее уют общежития. Такое же наблюдалось всю жизнь у Нины, но она 25 лет жила в таких условиях. А у родных в каждом жилом месте была какая-то другая аура: тишины и покоя. Не было суеты, пустословия, осторожности в разговоре. У всех родных была простота и доверительность в отношениях ко мне при которых я не чувствовала себя ущемлённой в чем-либо. Они понимали, какое воспитание я могла получить «под комендатурой» и прощали мне многое – манеры, речь, рассуждения о жизни и людях. Даже теперь невозможно читать, смотреть фотографии, вспоминать без слёз, и понимать как многого мы были лишены в жизни. Не зная своих родных, мы не знали семейных обычаев и обрядов, каких-то семейных традиций, истории наших предков. Не было у нас семейных разговоров за столом о жизни, о перспективах. Мечтать не могли и не умели – прожили день и Слава Богу! Спасибо бабушке и родителям, которые в тех условиях дали всем детям образование и какие-то навыки нормальной жизни. Желание встречи большое было, но что-то держало, а теперь невозможно. Теперь реальный страх за своё здоровье и своих родных, спасибо за разговоры по телефону, на которые тоже нужно переступить через ту «границу».

Встречи в Новосибирске чаще других случались у Тони с Сашей при поездках на отдых. А отдыхали они почти ежегодно по путёвкам. Однажды в Одессу брали ещё маленькую Наталью, но этот отдых им очень запомнился. Наташе было не очень комфортно привыкать к новой обстановке, её не радовало даже море, и она капризничала. Но позже сама увлеклась ежегодным отдыхом на море, и даже возила своего сына Евгения, На обратном пути состоялась короткая встреча на вокзале г. Волгограда с Валею и Иваном.

Антонина знакома с семьями Августы и Галины; Веры, Николая и Любы; Петра, Владимира и Геннадия. Тоня с благодарностью вспоминает об этих встречах, когда их встречали не только днём, но даже среди ночи. Могли оставить машину во дворе дома в Буграх, создавая большие неудобства родным. Тоне было проще общаться с родными. Городская жизнь требует особых навыков, которых в нашей семье мы не знали. Всё тоже состояние не позволило сменить место, даже переезд в Асино был

вынужденным. А места были заманчивые - Москва, Рига, Одесса, «Орлёнок» и другие. Теперь, встречаясь с земляками, понимаем, что страх сорваться с места в неизвестность не даёт очень многим развивать свои способности, релизовать свои возможности. Это качество, приобретённое однажды, передаётся детям и даже внукам. Антонине повезло, она родилась позже, и ей было всего четыре года, когда семья стала свободной. Ещё больше повезло их внуку Евгению Николаевичу Фролову. Его мама – Наталья Александровна Фролова (ур. Кухта) впитала городское отношение к жизни и все годы посвятила воспитанию сына. Евгений получил хорошее образование и воспитание. Занимался в секции....., позже перешёл в секцию бальных танцев. Занимая призовые места в региональных и международных конкурсах по бальным танцам, он с партнёршей выиграл конкурс в Москве и поездку в Аргентину совершенствовать «Аргентинское танго». И в этом есть большая практическая помощь Галины Васильевны Пожидаевой (ур. Крашенинниковой). На время конкурсов в городе Новосибирске дважды принимала всю команду вместе с Женей, его партнёршей и сопровождающей Натальей. Их выступления были успешны. В этом немалая заслуга семьи Галины, которые создавали комфортные условия и окружали заботой. Теперь Евгений аспирант, женат, живут в Москве. Бывает в командировках в Италии, вместе с женой Анной посещает страны Европы. Наши родные своей помощью, заботой помогали и помогают всем нам, невольным заложникам обстоятельств. Мог ли папа даже мысленно такое представить? Надо чтобы дети и внуки не потеряли эти тонкие нити КАРЕВСКОГО РОДА.

Очень хочется верить, что эта «связующая нить» не оборвется, а продолжится в следующих поколениях. Но чтобы внукам не пришлось вести поиск по интернету, надо просто написать о себе и своей семье, как это сделал Владимир Александрович.

Близкие родственные отношения продолжают Алексей Власов и Дмитрий Козляев. Алексей всегда при поездках старается встретиться с Димой, у них есть о чем поговорить. Однажды проездом из Израиля даже ночевал с Димой у бабы Любы, которая оказалась очень интересным собеседником для молодых. Познакомился с Володей Козляевым. Именно Дима передал через Алёшу рукопись Владимира Александровича.

От кого передались гены путешественников новым поколениям, но предки были «легки на подъём». Обе наши родственные линии совершили переезды с насиженного родового места на новые условия. Для тех лет это было очень не просто и очень ответственно, переезды совершались с царского разрешения на освоение необжитых мест.

На новых местах трудолюбивые многодетные семьи скоро обживались, и начиналась новая счастливая жизнь. «Но счастье было так недолго...».

Теперь есть возможность свободного переезда даже в другую страну. Пока таких известий нет, но радует уже то, что есть интерес к посещению новых мест вместе с детьми. Из нашей семьи мне первой удалось посетить Польшу и Чехословакию ещё в 1974 году.

Алексей с женой Олесей и дочерью Елизаветой всем другим благам предпочитают знакомство не только с новыми странами, но и посещение Российских мест. Среди поездок чаще других получается в Тайланд, там они приметили друг друга, там отмечают дни рождения своей дочери. Были поездки в Дубай, Турцию, на Кипр. Посмотрели озеро Байкал. В Абхазии посетили родину Олесиной мамы Любви Мамедовны Прудниковой. Валентина с мужем Игорем уже познакомили дочек Алёну с Машей с красотами Алтая, Хакасии, Сибири. Валентина посетила с дочками Тайланд и Турцию. Алёна на конкурсе посетила Санкт-Петербург. С экскурсии по «Золотому кольцу» привезла фотографии храмов, которые экспонируются в Воскресной православной школе. Валентина сопровождала Машу на конкурс в Белорусию. Внучки успешно выступали на конкурсах с вокальными номерами. В любых городах и странах обязательными бывают посещения храмов, часовен. Домой привозят памятные предметы и сувениры.

Внукам Моисея Григорьевича дана возможность совершать то, чего он был лишён, показать правнукам другую жизнь. Но для того, чтобы это оценить, надо знать и помнить судьбу своих предков.

ВСТРЕЧИ «ПО СЛУЧАЮ»

Встречи с родными бывают «по случаю». Приезд родственников в самые тяжелые дни, не столько дань традициям, а скорее – генетический зов крови. Мы благодарны всем, кто в такие дни был с нами. У папы были проблемы с давлением и почками, но он крепился и старался терпеливо переносить боли. Очень нервничал, если вдруг не было рядом мамы. 8 марта 1980 года. Мама ушла на ночь в семью сына Дмитрия. Он был на работе, а Татьяна ждала рождения третьего ребёнка. У папы начался очередной приступ, но это было не давление. Я в квартир была одна с двумя детьми. «Скорая» сразу увезла его в больницу, откуда папа живым уже не вернулся. Нам сообщили причину смерти – рак. Этого диагноза никто в семье не знал. Как можно было терпеть такие боли и ничем не выдавать своего состояния. Боялись давления, а к такому исходу были не готовы. Последние пять дней жизни в больнице папа был в сознании, но говорить не мог. Долгожданный внук родился 9 марта. Маме разрешили навестить больного, и она сообщила папе эту радость - «внука назвали Григорием» - на лице папы была улыбка. 13 марта папы уже не было с нами. Прилетела Валентина из

Волгограда. Проводить папу в последний «этап» земного пути приехали его родные племянники Вера, Николай и Августа из Новосибирска. Уходил последний сын деда Гриши, но оставались внуки, и родственные связи продолжались. Поддержать нас приехали родные мамы – старший брат Руднев Иван Семёнович из Кемерово, жена брата Михаила со вторым мужем, дочь Зинаидой и внучкой из посёлка Причулымский; двоюродная сестра Лукерья, её дочь Зинаида с мужем Геннадием и внучкой из Новосибирска. Все родные были лично знакомы с папой, и помнили его гостеприимство. Папин уход был самым трагичным для всей семьи. В семье наступило депрессивное состояние, с которым надо было бороться самим.

Трудно смириться с этим, но особенно переживала мама, такой мы её не знали. Это при папе она была совершенно спокойна и уверена в том, что у неё есть опора, защита, надежда. Для Натальи это был стресс, она три года жила у бабушки с дедушкой, и даже в Асино они приехали вместе. Она была очень привязана к дедушке. Привыкать к потере родных и к одиночеству среди людей невозможно, но нужно было приспособливаться выживать.

Слева: АНТОНИНА МОИСЕЕВНА КУХТА, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРЕВ, вдова Мария Семёновна Карева, Лукерья Ивановна Машарова, Иван Семёнович Руднев, Зинаида Тюленёва, ВАЛЕНТИНА ВЛАСОВА, Вера Николаевна Козляева, НАТАЛЬЯ КУХТА.

Второй ряд слева: первой стояла Августа Васильевна Ткаченко, Валентина Моисеевна Боякова, Дмитрий Моисеевич Карев, Нина Моисеевна Молчанова, АЛЁША ВЛАСОВ, ЛЮДМИЛА МОИСЕЕВНА ВЛАСОВА, Полина....., Геннадий Тюленёв, Кухта Михаил, ВЛАДИМИР АНДРИЯНОВИЧ ВЛАСОВ, Валерий Дмитриевич Молчанов.

Ещё труднее было поверить в убийство Дмитрия в 1989 году. Ему было всего не полных 40 лет. На прощание с ним приехали Карев Николай Николаевич с Михаилом Филимоновичем Гусак – мужем Любви Николаевны. Мама потеряла единственного сына, семья потеряла кормильца. Родные папы помогли маме и жене Татьяне Петровне пережить дни трагедии. Остались трое детей: Юля – 13 лет, Жанна – 11 лет, Гриша – 9 лет. Страшно было остаться вдовой в таком возрасте с тремя детьми. Но все живы, получили средне - специальное образование. Все живут в Асино. Единственный внук Дмитрия живёт с матерью и отчимом в Томске - Карев Дмитрий Григорьевич.

Маму в последний путь провожала Вера Петровна Петрова (ур. Карева) из Томска. Все годы у них были настоящие сестринские отношения. Они были не только ровесницами, но душевно близкими. Тётя Вера приезжала к нам, и разговорам не было конца, делились семейными тайнами. От неё мама многое могла знать о прошлом семьи папы, но дети в этих разговорах не участвовали.

ГЕНЕТИКА РОДА

Одни приходят в земной мир, другие покидают его. Число родственников увеличивается, родственные связи теряются, но сохраняется генетика РОДА! Даже через несколько поколений вдруг обнаруживаешь схожесть внешних признаков своих внуков и предков. При более близком знакомстве с родными проявляются некоторые общие характерные черты. Эти признаки не могут быть приобретёнными, они наследственные. Внуки не помнят своих бабушек и дедушек, но в чём-то повторяют их. Нельзя не заметить внешнее сходство Алексея с папой. Это отмечают все знакомые, кто знал папу. Характер, манеры, бережное отношение к детям, уважение к старшим, внимание к женщинам и ко всем людям, любовь к машинам. Все работы выполнять добросовестно и качественно. Всё напоминает папу, машина Алексея должна блеснуть как паровоз у деда. А кто его научил таким танцевальным движениям как у папы? Первый год жизни Алексей провёл на руках бабушки и деда. У папы со мной была душевная привязанность, и даже это передалось внуку.

Валентина в первые годы жизни много дней проводила в семье Власовых. Алексей был проблемным ребёнком, и родители Владимира помогали таким образом нам. Не сразу выявилась похожесть Валентины на свою бабушку Марию Филипповну Венивитину - разговором, манерами, привычками, увлечениями. Особенно это проявляется в быту. С годами проявляется внешняя похожесть по материнской линии. Однажды Валентина была в командировке в Батурино. На улице её остановила женщина чтобы

уточнить «Ты не Люси Каревой дочка?». Меня там помнят в возрасте как была Валентина.

По единственной фотографии бабы Дуни и воспоминаниям родных определяется внешнее сходство у Нины. От этой бабушки передалось умение и желание штопать одежду. Мы привозили Нине капроновые чулки, и она поднимала петли специальным крючком, купить новые для нас было невозможно из-за недостатка денег. Хорошие вещи на штопку отправляли Нине, и она возвращала их в первозданном виде. Походку Нины определяли все её знакомые издали, это лёгкая, летящая до последних дней, передалась от тёти Оли и папы. Видимо, эту особенность унаследовала и самая младшая внучка Елизавета. Она не хочет медленно ходить, ей надо не бегать, но легко и быстро ходить. Нина была требовательна к себе и другим, не терпела возражений, если была права. Была очень экономная, но не скупая, отдавала последнее родным и даже знакомым. Даже после инсульта у неё лежал конверт с подписью адресату с определённой суммой денег. Накопительства в нашей семье не было и нет.

Мне досталась генетика материнской линии. Однажды на фотографии я не сразу различила себя с мамой. Своё душевное родство очень чувствую с бабушкой Рудневой Марией Константиновной. Возможно оттого, что с ней я прожила первые семь лет, и впитала все её разговоры с нами. Для ребёнка очень важно общение в первые годы жизни, и я его получала от бабушки. Моя книжная страсть, отношение к вещам «из бабушкиного сундука», интерес к искусству и жажда посмотреть мир – всё это не могло быть приобретённым в тех условиях без наследственных задатков. Самым большим приобретением в моей жизни оказался страх, который получила от папы и с молоком матери. Но все годы я не могла даже подумать, что можно жить иначе. Даже теперь чувствую это состояние, но переступить не могу. Во мне остаётся ещё столько нереализованного, что могло быть востребовано. У меня появилось чувство, что мы проживали чужую жизнь. Какие способности нам передали родители! И какую судьбу определило. Только теперь я начинаю осознавать, как папа жил, чего был лишён. Двадцать лет одна мысль - «Выжить». Наследственная духовность и воспитанная душевность помогли ему выжить и оставить о себе добрую память через детей и внуков у всех, кто его знал.

Семья Каревых.

Первый ряд слева: Антонина Кухта, Валентина Боякова, Карев Моисей Григорьевич, Карева Мария Семёновна, Нина Молчанова.

Второй ряд слева: Наталья Кухта, Людмила Власова, Владимир Власов, Лариса Власова, Дмитрий Карев, Татьяна Карева

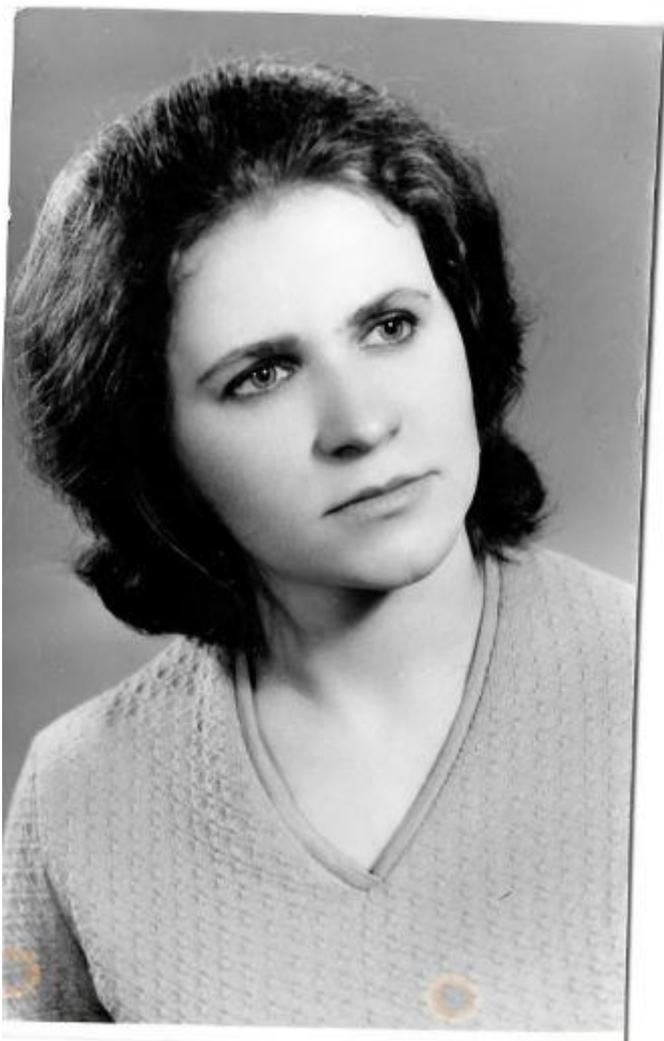
P.S.

Весь вышеприведенный текст был составлен в 2015 году, когда живы были Нина и Валя. Через четыре года снова читаю этот текст, и рука не поднимается что-то изменить, исправить. Но к изданию книга тогда не была готова. Работа с документами и фотографиями отнимала много времени для уточнений, сопоставлений, выяснений. Чтение литературы добавило много нового из жизни не только нашего посёлка, но всей системы ГУЛАГа. Особенно много хлопот было над составлением «ДРЕВА РОДА», но это было очень увлекательно. «Побывать» в деревне, откуда родом бабушка и дедушка Рудневы. Увидеть документы тех времён, находить в списках знакомые фамилии, но какое отношение имеем к ним мы? Где среди этих людей наш морской офицер, под какой фамилией.

«Побывала» в казачьих станицах, где фамилия КАРЕВЫХ одна из самых распространённых. Узнала казачью традицию о наследниках в семье по ушным серьгам, такая была у деда Григория в одном ухе. Это означает, что у него были ещё братья старше его. Читала документы царской эпохи о направлении казачества на освоение и

охрану новых земель в Башкирии. О башкирских бунтах против новых переселенцев есть документы. Этот поиск родных не завершён. Кто будет преемником и продолжателем «ДРЕВА РОДА КАРЕВЫХ»?

Интернет может помочь, но надо учиться поиску. Молодые многое умеют, и кому-то повезёт найти родную казачью станицу, родителей, братьев – сестёр деда Гриши. Фамилия Каревых одна из самых распространённых в казачьих станицах? Кто из них в кровном родстве с нами? Эти вопросы ждут своих ответчиков и летописцев. Такое знакомство может быть не только интересным, но полезным для понимания твоего предназначения на этом свете. С сердечной благодарностью всем, кто помогал в этой работе, кто многие годы был рядом или встречался на жизненном пути помогая творить судьбу.

РОЖДЁННЫЕ В АСИНЛАГЕ

Нина (1937 – 2016гг.), Валентина (1939 – 2016гг.), Людмила 1944г,
Антонина 1946г, Дмитрий (1949 – 1989гг.).

Нина Моисеевна Молчанова (ур. Карева 1937 – 2016гг.) жила в городе Северске. Закончила семь классов Батуринской школы в 1952 году. Поступила в Томское медицинское училище, которое окончила в 1955 году. Общежития не было, первый год жила в однокомнатной квартире у Пустоваловой Анны, знакомой из Батурина. Она жила с мужем и приняли Нину на целый год. Это помогло Нине привыкнуть к городской жизни. Второй год жила у Колупаевой (Каревой) Марии Александровны. Она жила с дочерью Фирой в небольшой квартире в переулке Песочном. Спали вдвоём с Ниной на одной кровати. Третий год жила в семье Веры Петровны Петровой (ур. Каревой). У неё было трое детей – (Колупаев?) Игорь, Петровы - Светлана и Валерий. Игорь уже уехал жить в Прибалтику. Муж Михаил Петрович Петров - офицер, добрейший человек. Квартира – двухкомнатная хрущёвка, в ней потом жил Валерий. Только благодаря такой помощи родных, Нина получила образование. Весь выпуск училища направили работать на новый объект «Томск-7». Даже в годы учёбы сэкономила копейки, чтобы что-то купить и передать с попутчиками своим младшим сестренкам и брату. Особенно запомнили её арбузы. Надо было купить, но как доставить его на батуринскую баржу, которая стояла где-то на реке Томь в самом конце города. А какая радость была всей соседской детворе получить по кусочку настоящего арбуза, по конфетке - да в фантике! Даже первые торты в Батурино привозила нам Нина. Всегда выручала лекарствами и маму продуктами для диабетчиков. Все красивые туфли вместе с первыми колготками были от Нины. Все платья на выпускные вечера мы шили из ткани от Нины. И только в последние годы семья Кухты могла привезти овощи с дачи. 37 лет работала медсестрой в детском инфекционном отделении больницы. В трудовой книжке всего одна запись о приеме на работу, «Ветеран труда». До 25 лет жила в общежитии, потом получила комнату с подселением. В 1976 году вышла замуж за Молчанова Валерия Дмитриевича (1941-2008гг.), работника Комбината. Тогда получили однокомнатную квартиру, в которой жили до кончины. Детей не было. Все годы помогала материально и морально получить образование сёстрам - Валентине, Людмиле, Антонине, племянницам - Наталье Кухта и Валентине Власовой, племяннику - Алексею Власову. Все, кроме Валентины (учетно-кредитный техникум), получили высшее образование. Последняя её забота была о внучатом племяннике Евгении Фролове, который успешно окончил институт и продолжает учёбу в аспирантуре в Москве. Душевная близость была с Натальей Кухта, которая до последней минуты была рядом с родным Человеком. Все племянники гостили у Молчановых, где всех душевно принимали. Хлопот было много в однокомнатной квартире с раскладушками, но всегда было весело. Нину отличала высокая требовательность к себе и другим, отсутствие страха в душе, прямолинейность.

Пользовалась заслуженным авторитетом в коллективе, умела дружить, но это не было панибратством, экономность во всём ради помощи другим – такой была наша старшая сестра Нина.

Валентина Моисеевна Боякова (ур.Карева 1939 – 2016гг.).

Последние 40 лет жила в городе Волгограде. Закончила очно Томский учетно-кредитный техникум. Получить высшее образование не разрешили родители, семье нужен был помощник. Это был тяжелый труд для молоденькой девушки. Работа в доме, по хозяйству со скотиной, на огороде полив и весь уход за растениями, в поле 24 сотки картофеля, на сенокосе все работы знала и делала. Работа в сберкассе с очень строгой заведующей потом ей очень пригодилась. Замужество, развод, но снова вместе и отъезд из Батурино. Мужем был Бояков Иван Яковлевич (1929 - 2017гг.) по специальности электрик. Детей не было. Проживая в Батурино, работала также в государственном банке, где когда-то работали

заведующими Дмитрий Сергеевич Коптелов, а позже Екатерина Яковлевна Меньшикова. В Волгограде Валентина работала главным бухгалтером областного строительного банка даже после ухода на пенсию. Были награждения за работу, была командировка с проверкой банка Томской области. Грамотный и ответственный работник, ей был дан ордер на получение однокомнатной квартиры в центре города. В ней они прожили до последних дней. Встречи с ними были очень редко, я навещала их проездом после отдыха в любом месте. Жизнь в чужом городе без родных на съёмных квартирах, в общежитии, с привычками трудного детства проявлялась в душевном состоянии. Жили очень скромно, не позволяя себе отдыха даже в отпускные дни. Никогда не приезжали вместе на свою родину. Накопили определённую сумму, которая была потеряна при реформах. В 2001 году у Валентины случился инсульт. Тоня и Нина срочно вылетели и меня друг друга – день и ночь дежурили у неё. Через месяц были заметны улучшения и сёстры вернулись домой. Даже врачи отметили благотворное влияние родных на выздоровление. Она не была лежачей и в разуме до последних дней. Все годы рядом с ней оставался её муж. Она уходила из жизни одна без своих родных, так хотел её муж, тоже впитавший все пороки того ужасного времени – раскулачивание, ссылка, ранний тяжёлый труд, семейные отношения и накопления «на чёрный день».

Валентина - родившаяся под комендатурой, пережившая военные годы, привыкшая к страху, подчинявшаяся любому приказанию и даже просьбе. Прожившая рядом с морем, но так и не увидевшая его, не отдохавшая на курортах или в Домах отдыха, так скучающая о родных, но никогда больше не посетившая Батурино. В последние годы жизни их навещала Наталья Фролова (Кухта). Последняя встреча была перед отъездом Натальи из Москвы для ухода за парализованной Ниной.

Людмила Моисеевна Власова (ур.Карева 1944г.) живет в городе Асино Томской области. Окончила Томский педагогический институт биологический факультет заочно. Производственный стаж – 40 лет: 10 лет работала в школах посёлка Батурино. Через день после получения аттестата зрелости приступила к работе в родной школе лаборантом кабинета химии, позже работала учителем и организатором внешкольной работы. Проводилась большая общественная работа с молодёжью посёлка и школьниками. Директором, наставником, старшим другом все годы была Вера Александровна Рязанцева. С 1971 года работа в Асино: секретарь школьного отдела ГК ВЛКСМ, заведующая отделом культуры райисполкома, учитель в училищах, директор вечерней школы, библиотекарь школы №8, библиотекарь детского дома. Второй брак – Власов Владимир Андрьянович - учитель истории и начальной военной подготовки. Дочь - **Валентина Владимировна Субботина** (ур. Власова). Закончила Томский педагогический институт филологический факультет. Работает корреспондентом районной газеты. Второй брак. Муж – Субботин Игорь Владимирович - майор МВД. Дочери: Алена Игоревна Субботина, студентка ЮИ ТГУ (г. Томск). Мария Игоревна Субботина – ученица. Семья проживает в городе Асино. Сын - **Алексей Владимирович Власов**. Закончил Томский педагогический университет технолого-экономический факультет. Предприниматель. Жена – Олеся Валерьевна Власова (ур. Прудникова). Закончила Российский государственный социальный университет. Занимается воспитанием дочери. Дочь -

Елизавета Алексеевна Власова родилась 6 февраля 2015 года. Проживают в городе Томске.

Антонина Моисеевна Кухта (ур. Карева 1946г.) проживает в городе Томске с 1965года. Закончила Томский институт радиоэлектроники и электронной техники, вечернее отделение. Работала в НИИПП (Научно-исследовательский институт полупроводниковых приборов). Муж Александр Михайлович Кухта - подполковник ФСБ, пенсионер. Проживают в Томске. Дочь **Наталья Александровна Фролова (ур. Кухта)** живёт в Томске. Закончила Томский педагогический институт филологический факультет. По специальности не работала. Сын Евгений Николаевич Фролов. Закончил Томский политехнический университет, аспирант ФИАН (Физический институт им. П.Н. Лебедева Российской академии наук, лаборатория электронов высоких энергий). Жена Анна..... Живут в Москве.

Дмитрий Моисеевич Карев (1949-1989гг.) Жена Татьяна Петровна Карева (ур. Кашина). Дети: Юлия, Жанна, Григорий имеют среднеспециальное образование. Дочь Юлия работает на реалбазе, муж Глуховский Константин Викторович. Жанна живет в собственном доме, есть огород и подсобное хозяйство, что даёт дополнительную прибавку к пенсии по инвалидности с детства. Григорий живет в доме, который остался от отца. Был женат

(Маргарита Олеговна Бикмулина). Сын - Карев Дмитрий Григорьевич, проживает с матерью и отчимом в Томске. Родители очень уважительно относятся к имени сына и поддерживают с нами родственные отношения. Татьяна Петровна в гражданском браке родила дочь Ольгу Анатольевну, которой, с согласия нашей мамы, дала фамилию Карева. Родной отец удочерил Ольгу. В конце своей жизни он ослеп, и дочь была поводырём своего отца. Закончила Томский государственный архитектурно-строительный институт с красным дипломом. Проживает в Асино.

Родословная
таблица.docx

Многие годы при редких встречах с Антониной велись разговоры о написании истории нашей семьи. Всегда и во всём словами и делом она поддерживала моё желание это осуществить. Именно она организовала встречу трёх сестёр с Верой Петровной. Чаще всех встречалась с родными в Новосибирске, которые организовывал её муж Александр Михайлович. Телефонные переговоры помогали восстановить события, даты, родство. Много дополнений, исправлений, уточнений было сделано по архиву мамы, который хранится в семье Антонины.

Нина при жизни соглашалась с нашей идеей, и передала фотографии и документы. Воспоминаний о жизни в Батурино сохранилось немного, ей было всего 14 лет, когда она покинула посёлок. Никогда не анализировала то, что было в Батурино. Ей там было очень плохо, сильные головные боли не дали возможности продолжать обучение в школе. Аллергические реакции на гнус и запах болотных растений. Свою жизнь посвятила образованию родственников. Все годы были очень близкие отношения между нами.

С Валеёй встречи были, но о создании истории семьи разговоры не велись. Никаких документов за волгоградский период не имеем. Валентина дважды посещала Асино: в командировку и на прощание с папой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На этих страницах только малая часть событий про нашу жизнь. Семья была опорой, поддержкой и домом, где нас всегда ждали, понимали и любили. Папа с мамой были очень разными, но было общее понимание жизненных обстоятельств, изменить которые они не могли. Оба были очень порядочными людьми, жили на доверии, умели молчать. Родители прожили так, что в самых трудных обстоятельствах не потеряли человеческого достоинства, сохранили благородство, милосердие и душевную щедрость.

Текст книги набирался легко, 17 июля 2015 года поставила точку. Но она не была последней, потом были незначительные правки, дополнения, исправления. 2016 год оказался последним для Валентины и Нины. Начинали вместе, но Валя 15 лет была после инсульта и упокоилась 12 июня. Никто поехать не мог, но нас там и не ждали. У Нины случился инсульт 13 февраля, а закончила жизнь 16 сентября. Все эти месяцы при ней неотлучно была Наталья, которая оставила работу в Москве и срочно вернулась в Томск. Понимая, что это обстоятельство непредсказуемо, она навестила в последний раз Валентину в Волгограде. Благодарность Наталье за всех нас, которые уже не имели возможности навещать, но всегда помнили о своей сестре. По воле судьбы теперь остались вдвоём с Тоней, но даже с ней получаются очень редкие встречи, только телефонные переговоры.

При составлении текста были слёзы, длительная депрессия, но рядом были друзья и знакомые. В общественной работе наступало успокоение, и работа продолжалась. Благодаря поддержке друзей пришло осознание издать этот текст отдельной книгой. Неоценимую помощь получила из дневников, что повлияло на исповедальный стиль изложения.

Свои дневники начала школьницей в 1959 году, которые превратились в душевного «собеседника», и все 55 общих тетрадей хранятся в семейном архиве. Впервые перечитывала отдельные страницы, записи далёких лет помогали воскресить в памяти события. Получив какие-то знания о репрессиях и влиянии на психику человека, думаю, что дневники помогали мне выживать в обстоятельствах подсознательного страха за себя и своих близких. Это была возможность выразить себя в беседе с самой собой. Случайные наблюдения этого «явления» у детей и внуков не только своей семьи, показывают о передаче **подсознательного страха на развитие личности в последующих поколениях**. Только пра-пра-внуки начинают ощущать себя более свободными.

Наша благодарность

Благодарность за помощь в подготовке книги:

Субботиной Алёне Игоревне; Субботиной Валентине Владимировне; Власову Алексею Владимировичу; Кареву Николаю Николаевичу; Каревой Любовью Николаевне; Козляеву Дмитрию Васильевичу; Пожидаеву Антону Михайловичу.

Благодарность за многолетнюю поддержку людей, пострадавших от репрессий:

Олегу Сергеевичу Зезюле; Людмиле Александровне Улановой; Юрию Владимировичу Калинюку; Татьяне Анатольевне Зольниковой; Владимиру Сергеевичу Бахареву; Ольге Владимировне Сальниковой.

Благодарная память родителям: Кареву Моисею Григорьевичу, Каревой Марии Семёновне.

Спасибо Кареву Владимиру Александровичу – он первым записал родословную своей семьи. Спасибо всем кто передавал эту рукопись из Новосибирска в Асино. Читали текст с большим волнением. Это была жизнь наших родных, с которыми и мы имеем кровное родство. Было удивительно сравнивать и находить что-то общее с этими родными, и что-то новое для понимания нашей семьи. Предложение продолжить «Родословную семьи Каревых» заставило собрать воспоминания родных и знакомых из Батурина, Томска, Новосибирска, Волгограда и других городов. Именно записи Владимира Александровича повлияли на издание этой книги.

Спасибо Кареву Николаю Николаевичу и Каревой Любви Николаевне, которые сообщали даты событий, линию родства, имена новых потомков. Благодаря общей работе всех родных удалось составить неполное «ДРЕВО РОДА КАРЕВЫХ».

Особая благодарность Олегу Сергеевичу Зезюле, который работая в г. Тикси впервые увидел воочию остатки ГУЛАГа. Увиденное запечатлелось в его стихах, которые вошли в два сборника, изданные в Асино. Позже его стихи вошли в Москве в альманах с произведениями номинантов национальной литературной премии «Поэт года – 2011» и альманах номинантов «Наследие» Российского Императорского Дома. Презентации всех книг проводились в Асино во время отпусков с участием Олега Сергеевича и приглашением живущих в Асино пострадавших жертв репрессий.

Высокая оценка памятного поэтического цикла находит своё продолжение на МАЛОЙ РОДИНЕ ОЛЕГА ЗЕЗЮЛИ. На его последней встрече с земляками было принято решение о ходатайстве перед администрацией города установки памятного знака на территории города Асино, где размещалась комендатура АСИНЛАГА.

Олег Сергеевич принял активное участие в работе над этой книгой, текст из которой, документы и фотографию Карева Моисея Григорьевича, включил в состав «Бессмертного полка».

Папа включён в «Книгу памяти жертв коммунистического террора Новосибирской области».

Господь даровал нам такую возможность - оставить рукописный «Памятник» родным, где бы не закончился их земной путь. Не все в нашей жизни получалось так, как хотелось родителям, были ошибки, непонимание обстоятельств. Теперь, подводя итоги прожитых лет, хочется больше узнать о своих родных, о тех, кого уже нет, но они были. Для понимания себя очень важно знать свое начало – свои корни, тогда легче принять решение в любых обстоятельствах – быть достойным иметь эту фамилию – **«Я ИЗ РОДА КАРЕВЫХ»!**

Наказ Фёдора Петровича Гааза (1780-1853гг.) оставленный потомкам на его памятнике, может служить жизненным ориентиром во все времена: **«ТОРОПИТЕСЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО».**